

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

**Литературное общество челябинских филологов
«Снежное вино» (1946 г.): историко-литературный аспект**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование**

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

97 % авторского текста

Работа _____ к защите

рекомендована/не рекомендована

«10» декабря 2020г.

зав. кафедрой литературы и методики
обучения литературе

Марковой Татьяной Николаевной

Выполнил (а):

Студент (ка) группы ЗФ-615-075-6-1

Русских Наталья Леонидовна

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Маркова Татьяна Николаевна

Челябинск

2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ.....	7
1.1 Сведения из истории изучения вопроса.....	7
1.2 Ключевые понятия	9
1.3 Литературные объединения XIX века	13
1.4 Литературные объединения XX века.....	24
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА «СНЕЖНОЕ ВИНО».....	36
2.1 Историко-литературный контекст.....	36
2.2 Причины возникновения объединения.....	41
2.3 Основные положения и структура объединения.....	43
2.4 Деятельность и судьба членов общества «Снежное вино».....	46
2.5 Упоминания в СМИ, публикации о «Снежном вине».....	50
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ АЛЬМАНАХА «СНЕЖНОЕ ВИНО».....	54
3.1 Символика названия.....	54
3.2 Определение типа издания.....	57
3.3 Анализ структуры, содержания и оформления альманаха.....	59
3.4 Литературные реминисценции.....	68
3.5 Критические отзывы	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	79
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	83
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению неизвестного обширному читательскому кругу молодёжного литературного объединения «Снежное вино», под влиянием обстоятельств сложившегося в середине XX столетия в Челябинском государственном педагогическом институте. Широкий пласт фактической информации о «Снежном вине» взят нами из книги В. Черноземцева «Горький вкус снежного вина: Трагедия в стихах, воспоминаниях и документах [75].

Мы выбрали целью нашей работы исследование феномена литературного общества студентов Челябинского педагогического института «Снежное вино» и его значения в истории литературы Челябинской области; также мы рассматриваем возможность включения данного объединения в школьный образовательный процесс. Кроме того, для нас представляет интерес способ формирования литературной ячейки, принципы, на которых происходит становление объединения как структурного компонента историко-литературного процесса, причины распада литературного объединения.

Объект нашего исследования – отечественные литературные объединения XIX-XX веков, данные, касающиеся функционирования изучаемого литературного объединения, материалы книги «Горький вкус снежного вина» под редакцией В. Черноземцева.

Предмет исследования – феномен общества «Снежное вино» в контексте историко-литературного процесса.

Материалом наблюдения послужили разнообразные издания об отечественных литературных объединениях, книга «Горький вкус снежного вина».

Для достижения поставленной цели в ходе нашего исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Обобщить и систематизировать ключевые литературные термины и явления по теме.

2. Рассмотреть и проанализировать феномен литературного общества «Снежное вино»:

- реконструировать историю группы;
- изучить состав литературного объединения для выявления принципов, на которых происходило формирование молодых литераторов в рамках конкретной группы;
- определить характер групповой связи внутри объединения на фоне общей историко-литературной действительности;
- исследовать структуру и поэтику альманаха «Снежное вино»;
- выяснить значение литературного общества.

3. Разработать методическую часть выпускной квалификационной работы – конспект урока по изучаемой теме.

Актуальность нашего исследования predetermined ростом заинтересованности современного поколения в отношении литературной и культурной традиции прошлого, нарастающей тенденцией к восстановлению и сохранению информационной палитры о творческой деятельности писателей и поэтов родного города и области. Проблема истории, теоретической составляющей и специфики функционирования вышеуказанного литературного объединения представляется нам недостаточно изученной.

Научная новизна работы заключается в системном подходе к анализу литературного общества «Снежное вино»: выделении данного литературного общества как самостоятельного предмета исследования; изучении оказавшей влияние на формирование объединения культурной среды в конкретный период истории; систематизации литературных объединений XIX – XX веков как демонстрации изменения формы и роли литературного объединения в обществе; выяснении значения общества «Снежное вино» и следа, оставленного в истории города.

Практическая значимость исследования лежит в области практики преподавания в ВУЗе и школе. Особое внимание мы уделяем урокам

литературного краеведения в школе (в том числе в рамках факультативного курса и внеурочной деятельности), где нам представляется возможным познакомить учеников с историей и особенностями «Снежного вина» с целью преумножения объема познаний учащихся о малой родине в культурно-историческом плане и интенсификацией осознанности связей литературы и жизни.

Гипотеза нашего исследования такова: общество «Снежное вино» можно назвать продолжателем традиций студенческих литературных объединений, использовавшим нетрадиционный для своего времени художественный метод; выбор художественного метода обусловлен историко-литературным контекстом, в рамках которого находилось «Снежное вино».

Данное исследование позиционируется как ещё одна страница в изучении темы литературных объединений эпохи XIX – XX вв. Подобные исследования велись в областях филологии и культурологии, зачастую рассматриваясь в тесной взаимосвязи.

Наша работа носит историко-литературный характер. Текстология является основным методом восстановления и изучения истории изучаемого объединения.

В настоящей работе мы практически не останавливаемся на детальном анализе отдельно взятых художественных произведений, их поэтика представляет для нас интерес ровно в той степени, в которой она отражает определенные художественные принципы, являющиеся общими для всех участников литературного общества, то есть те, которые создают единый образ литературного объединения.

Нам представляется возможной на основании существующих документов и иных данных о небольшом обществе, функционировавшем меньше года в середине прошлого столетия, постановка вопроса о способах формирования литературного объединения, его творческой жизнедеятельности в литературной области, причинах прекращения

деятельности и отражения феномена малого объединения в текущем литературном процессе.

Структура нашей работы такова: дипломная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Объём работы составляет 82 страницы, объём приложений – 26 страниц (17 единиц), библиографический список содержит 81 наименование.

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

1.1 Сведения из истории изучения вопроса

Изучение литературных объединений в историко-литературном аспекте в XX веке связано, прежде всего, с именем Б. М. Эйхенбаума, который в статьях 20-х годов XX века предпринимал попытки формулировки основной проблематики данных объединений и работал над созданием категориального аппарата для его анализа. Одна из статей Эйхенбаума впервые содержит термин «литературного быта» и доказывает значимость литературных объединений в истории развития русской литературы и культуры [79]. На основании представлений Эйхенбаума в 1929 году была выпущена книга М. И. Аронсона и С. А. Рейсера «Литературные кружки и салоны», содержащая предисловие Б. М. Эйхенбаума.

Аронсон М. И. и Рейсер С. А. исследовали деятельность, особенности и значение кружков и салонов для истории русской литературы, выясняя, какую роль эти объединения сыграли в становлении общественного отечественного сознания [5]. Здесь мы видим попытку разграничения понятий «кружок» и «салон»: более свободное возникновение кружков и их неофициальный характер, большая посвященность литературе в некоторой степени противопоставляют кружок салону, который связан с бытом эпохи, (отсутствие фиксированного состава участников, регулярность встреч, важность роли хозяев). На взгляд М. И. Аронсона, функции кружков и салонов неодинаковы: автор настаивает на большей связи кружка с автором, а салона – с читателем, салонная обстановка более непринужденна и способствует достаточно широкому распространению вкусовых предпочтений в обществе. Кружок же показывает нюансы литературного производственного процесса.

Ю. М. Лотман, в свою очередь, исследовал в своих работах различные

аспекты русской литературы и культуры во взаимосвязи. У литературоведа нет работ, посвященных отдельно салонам. Он исследовал быт дворянства, включавший в себя салон как часть культуры [44]. Ю. М. Лотмана интересовала салонная тема как традиционный признак русского дворянского слоя общества: исследователь обозревал салон как характерное явление бытовой жизни аристократии; занимался вопросом влияния европейской культуры на европейские салоны с последующим появлением подобных организаций в России; осмысливал разновидности и смысловую основу живого салонного общения. Материалом исследования Ю. М. Лотмана стали салоны А. Оленина, Хитрово-Фикельмон, А. Дельвига, Карамзиных. Кроме того, исследователь проявлял интерес к женским салонам – Лотман подразделял их на светские и литературные.

На этом изучение женских салонов не остановилось. Не менее интересные наблюдения сделаны В. Э. Вацуру в салоне Софьи Дмитриевны Пономаревой [17]. Вацуру отмечал влияние личности хозяйки на характер салона, а также считал альбомы важнейшим проявлением салонной культуры.

Заметный вклад в изучение литературных объединений внес также М. И. Гиллельсон [20, 21]. Гиллельсон, крупный исследователь творчества А. С. Пушкина, изучал значение «Арзамаса» в формировании будущих литераторов, ввел в историко-литературное использование термин «арзамасское братство».

Работа Б. Ф. Егорова о русских салонах и кружках, исследование их значимости среди культурной прослойки пушкинского времени также представляет интерес [27].

М. Шруба внес вклад в изучение и систематизацию литературных объединений, выделив шесть типов: общества, кружки, салоны, псевдогруппировки, «фантастические» общества, творческие группировки [77].

Из краткой исторической справки мы видим, что изучение истории

литературных объединений шло в разных направлениях, исследователи обращаются к литературе аристократии, салонным объединениям, забытым литературным фактам.

1.2 Ключевые понятия

20-е годы прошлого столетия несут на себе отпечаток насыщенности литературного процесса, протекавшего в тот сложный исторический период весьма бурно и содержавшего внутри себя различные столкновения между направлениями и течениями. Трансформация исторических этапов и общественно-научное развитие влекли за собой изменения во всех остальных сферах жизни и искусства, поднимали волну новых поисков и изучение явлений во всеохватном смысле.

В своих трудах этого периода литературовед Борис Эйхенбаум, изучая вопросы литературы и литературоведения, пришёл к выводу, что для литературной работы человеку требуется быть литератором. «Быть литератором» в понимании Эйхенбаума – это значит не просто писать, но и вести соответствующий образ жизни, связанный с писательской деятельностью, и мыслить иначе, не так, как «обывательская масса».

Следовательно, литератор – это человек, профессионально занимающийся литературным, писательским трудом, ведущий определённый образ жизни, вращающийся в определённых, писательских кругах. Этот человек носит на себе некую невидимую глазу «печать избранности», принадлежности к кругу себе подобных лиц.

Писатели в разные времена объединялись в группы, общества или кружки, как их ещё называли. Участники данных объединений беседовали на важные темы, обсуждали последние новости, вели жаркие споры об искусстве, делились друг с другом мыслями и идеями, читали свои труды и оценивали произведения своих товарищей. Механизмы взаимодействия литераторов в рамках таких объединений могли быть различными, но все они служили одной цели – скреплять круг лиц для выполнения

поставленной ими (пусть и негласно) задачи.

Следовательно, данные объединения являлись важнейшей частью литературной жизни. В основе формирования любого объединения писателей всегда лежит единство воззрений. В противном случае пропадает тот «клей», который соединяет в цельный массив отдельно взятые личности. Притом, сами личности могут быть совершенно различными в сути своей. Маловероятным станет предположение, что эти писатели и поэты совпадут во взглядах по всем вопросам – литературным, философским, социальным и даже бытовым. Совпадение требуется в основополагающих аспектах творчества. В рамках подобных скрепленных групп происходил обмен опытом между участниками, формирование творцов определённых литературных направлений.

Само определение литературного объединения, данное в различных словарях, достаточно критично разбирает в своей работе К. Ю. Лаппо-Данилевский [39]. Он указывает на нарочитое противопоставление в Литературной энциклопедии «рыхлых» аристократических салонов «сплочённым демократическим» кружкам; критикует деление по принципу единства «политических и идеологических установок» при наличии указания в энциклопедии на возможность возникновения «часто и более случайного порядка». «Бесцветным» Лаппо-Данилевский называет определение «Краткой литературной энциклопедии»: «определение литературных кружков как «творческих объединений литераторов на почве единства взглядов, интересов, направлений и т. д.»[39]. Смешение кружков с салонами и вечерами в определении данной энциклопедии представляется недостаточно верным. Наиболее убедительным исследователю представляется структура объединений, предложенная Шрубой [77]: он предлагал структурное деление литературных объединений разных типов на две большие категории – салоны и общества. К салонам Шруба относил также журфиксы, вечера и остальные собрания подобного рода. Первая группа характеризовалась регулярностью собраний людей, имевших доступ

в дом хозяев салона; сравнительно гибким составом участников. Вторая группа включала в себя различные союзы, товарищества и среди отличительных особенностей содержала следующие черты: постоянство действующих членов; формализация связи внутри группы путем принятия положения или устава общества, которое регулировало состав и структуру, упорядочивало организационные моменты, устанавливало порядок заседаний. Отдельное замечание М. Шруба дает по поводу формальности системы второго типа литературных объединений, которая направлена на официальное оформление группы в органах власти.

Как мы видим, существуют разные понятия, несколько разграничивающие структуру литературных объединений, разделяющие их по типу и составу. Мы возьмем за основу типологию М. Шрубы как наиболее структурно полноценную. Таким образом, наша структура литературных объединений включает в себя *литературное общество* – объединение, как правило, имевшее устав, который чётко регламентировал деятельность всех постоянных членов данного общества. *Литературный кружок* – тип писательских объединений, представлявший собой организацию, не имевшую жёсткой структуры и объединявшую писателей по интересам и взглядам. *Литературные салоны* – места литературных собраний, как правило, проводившихся в доме конкретного человека; уникальность салонной атмосферы обосновывалась влиянием личности хозяев, семейными связями, общественным положением. *Литературные вечера* представляли собой достаточно демократические собрания, нередко перераставшие в редакционные, особенно часто встречались во второй половине XIX века.

Виды литературных объединений весьма разнообразны. Каждое из таких объединений имеет свои задачи, свою специфику функционирования, способы организации и общественную значимость.

Но в одном они схожи: литературные объединения XIX-XX веков позволяют окунуться в глубокие внутренние процессы, которые были

скрыты от глаз незаинтересованного обывателя и чаще всего не появлялись на поверхности литературной жизни, однако играли весьма значимую роль в целом направленном и постепенном развитии русской литературно-общественной жизни.

Первые литературные объединения в России начали появляться ещё в середине XVIII века. Наиболее распространенным вариантом литературной группы того времени стал аристократический салон. Данный факт может быть объяснен культурными и политическими причинами: XVIII век в истории Российской империи характеризовался слабостью буржуазной части населения и сильным влиянием высших слоев дворянства. Привилегированная часть общества «задавала тон» во всех сферах, не упуская и литературную. Для многих аристократов литературное творчество было способом занять себя, увлечением, а салонная атмосфера способствовала приятному времяпрепровождению и была одним из вариантов культурной жизни того времени.

С течением времени роль литературных объединений в России становится всё значительнее. В начале XIX столетия развитие русской литературы и языка в целом находилось на перепутье. Остро стоял вопрос о выборе пути развития российской словесности. В этот период произошло разделение мыслящего общества на две большие группы: первая – сторонники «архаического» (старинного) языка, они предлагали развитие по славянскому типу в соответствии с идеей народности русской литературы. Вторая группа ратовала за обновление языковых норм, так называемую «европеизацию» языка. Эта ситуация известна также как спор «карамзинистов» с «шишковистами». Сторонники обеих групп яростно спорили друг с другом, использовали свои эстетические воззрения при написании литературных трудов, что придавало импульс расширению словесного опыта в истории русского языка.

Так начался период стремительного развития литературных направлений. Русская словесность начала XIX века представлена

калейдоскопом направлений: в ее пределах сошлись и начали достаточно мирно сосуществовать классицизм, сентиментализм, зарождающийся романтизм. Внимание образованных, культурных молодых людей привлекает сфера политики, в деятельных умах начинает вызревать осознание необходимости социальных, экономических и политических преобразований внутри страны. В первую очередь эти устремления оказались направлены на целесообразность отмены крепостного права, которое являлось раной на теле России того периода.

Описанный ряд проблемных вопросов предельно остро нашел отражение в деятельности литературных объединений XIX столетия.

1.3 Литературные объединения XIX века

Начало XIX века ознаменовано осознанием народа и личности как двух совершенно различных и непримиримых понятий. Результаты Французской революции были приняты как ожидаемые плоды эпохи Просвещения. Русское дворянство было разочаровано итогами эпохи Разума: явственно виделись разногласия между свободными устремлениями личности и действительностью, законами исторического движения. Отсюда вытекает необходимость изменений в принципах русской литературы, пересмотр самой её системы. Перед литературой возникла новая задача: выстраивание литературных форм ограничивалось полемикой о вопросе нового литературного языка. В процессе дискуссий о языке образовывались новые литературные группы, где возникала «кристаллизация» стилевой, идейной, эстетической и формообразующей направленности.

- «Дружеское литературное общество» (1801)

Основанное в 1801 году А. И. Тургеневым объединение писателей со схожими творческими взглядами, сформировавшееся из воспитанников Московского университетского пансиона. В общество входили В.А. Жуковский, А.Ф. Мерзляков, А.Ф. Воейков, С.Е. Родзянко.

- «Вестник Европы» (1802-1830)

Объединяющая площадка для общения писателей, сложившаяся на базе издаваемого Карамзиным с 1802 года журнала. Выпуск издания нового типа, состоявшего из трех разделов (литературного, политического и критического) стал началом пути в планомерном преподнесении как русской, так и западноевропейской реальности с точки зрения возникающего романтизма. Смысловая цельность наполнения «Вестника Европы» достигалась подбором материала в соответствии с идеей представления обширной программы выстраивания национально-самобытной литературы. Новый журнал публиковал творения Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, И.И. Дмитриева, В. Измайлова и других.

- «Дружеское общество любителей изящного» (1801-1825)

Объединившее литераторов, художников, скульпторов, историков, священников, медицинских работников и чиновников, основанное выпускниками гимназии при Академии наук, впоследствии общество было переименовано в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Среди основателей числятся И. М. Борн, В. В. Попугаев, В. И. Красовский, В. В. Дмитриев, А. Г. Волков, М. К. Михайлов.

Эстетическая программа общества характеризовалась как неоклассицизм, проявлялась в интересе к литературе классицизма, к периоду античности, предпочтение отдавалось строгости стиля, присутствовала подражательность. Подобная эстетическая установка считала приемлемым присутствие в одном русле разнонаправленных литературных и культурных воззрений (карамзинист В.Л. Пушкин, оппонент карамзинистов А.Ф. Мерзляков, «классик» Н.И. Гнедич и проч). Творческие воззрения участников общества придавали литературным произведениям социально-политическую тональность. В 1802-1803 году состоялось издание сборника «Свиток муз». В 1826 году, после четырехлетнего перерыва в деятельности, собрания продолжились под руководством А. Е. Измайлова и продолжались вплоть до 1826 года.

- «Московское общество любителей русской словесности» (1811)

Объединение без жесткой стилистической направленности. В общество входили представители различных направлений: В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков, А. Ф. Воейков, Ф. Н. Глинка, А. Ф. Мерзляков.

Историко-литературная значимость подобных «смешанных» групп объясняется продолжением оппозиционных отношений между «карамзинистами» и «шишковистами». Примечателен тот факт, что общество одного типа формируется преимущественно в Москве, а диаметрально противоположное – в Петербурге. Наличие двух литературных столиц стало отличительной чертой русской литературы начала XIX века: место, где жил и творил писатель, становилось своеобразным маркером, показывающим его идеологическую и эстетическую установку («московские воздыхатели» и «петербургские ревнители»).

- «Беседа любителей русского слова» (1811-1816)

Первая четверть XIX века содержит два особенно значительных объединения: «Беседа любителей русского слова» (1811–1816) и «Арзамас» (1815–1818). Эти общества, представляя собой два противоположных течения в русской литературе, пребывали в состоянии острой полемики.

«Беседа любителей русского слова» создана в 1811 году в Петербурге А. С. Шишковым, лидером «архаистов» (по определению Ю. Н. Тынянова).

Известно, что Шишков критиковал Карамзина в отношении к языковой области, предлагая собственный подход, базировавшийся на четком разделении книжной и разговорной сфер употребления, активном включении в языковую практику народной лексики и абсолютном отказе от слов, заимствованных из иностранных языков.

В «Беседы...» вошли писатели старшего поколения, защищавшие поэтическую традицию XVIII века, не одобрявшие новаторские эксперименты над языком. В общество входили писатели старшего

поколения – Г. Р. Державин, И. А. Крылов, А. А. Шаховской, Н. И. Гнедич, позднее присоединились А. С. Грибоедов и В. К. Кюхельбекер. Представители «Беседы...» являлись сторонниками поддержания национальных традиций в развитии речевой области.

Собрания проводились в доме Г. Р. Державина и были выдержаны в строго академической, официальной манере. Общество характеризовалось наличием строгого устава, протоколированием каждого заседания. Членами «Беседы...» выпускался журнал (вышло 19 номеров), где публиковались произведения участников общества. Во время собраний проходили публичные чтения плодов творческой деятельности участников «Беседы...».

Общество прекратило своё существование в 1816 году по причине смерти Г. Р. Державина.

Главной задачей «Беседа любителей русского слова» считала сохранение аутентичности русского языка. Вероятно, по этой причине за обществом утвердилась репутация реакционных писателей, так называемых «литературных староверов». Однако следует учитывать литературную важность басен И. А. Крылова с их глубокой моральной составляющей и близостью к народной разговорной речи, а также другие передовые эксперименты членов Беседы..., например, перевод гомеровской «Илиады» Гнедича и безусловный талант Шаховского в области комедиографии.

Идеи членов общества продолжились в виде патриотической традиции русской литературы, их влияние заметно в гражданской лирике М. Ю. Лермонтова и пересекается с воззрениями поэтов декабристского круга. Противостояла «Беседе...» группа «карамзинистов», позднее сложившаяся в общество «Арзамас».

- «Арзамас» (1815-1818)

Частный кружок, сложившийся из молодых людей, связанных друг с другом узами дружбы, он не являлся официальной организацией.

Свое призвание литературное объединение видело в борьбе с архаическими традициями в литературе, воплощением которых считалась «Беседа любителей русского слова». Интересен метод борьбы, избранный «арзамасцами»: высмеивание литературных оппонентов, членов «Беседы любителей русского слова», различные пародии и шутовские проделки.

В состав «Арзамаса» входили как писатели (В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, А.А. Плещеев, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, А.А. Перовский, С.П. Жихарев, А.Ф. Воейков, Ф.Ф. Вигель, Д.В. Давыдов, Д.А. Кавелин), так и люди, в большей степени известные своей общественной деятельностью (братья А.И. и Н.И. Тургеневы, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, М.Ф. Орлов, Д.П. Северин и другие).

Юмористически-игровой характер деятельности придавало название, взятое из сатиры Блудова («Видение в арзамасском трактире, изданное обществом ученых людей»); символика (герб общества украшал гусь, так как «Арзамас славился своими жирными гусями» [20]); наличие шутовых псевдонимов у членов общества, взятых из баллад Жуковского – Светлана, Асмодей, Сверчок, Эолова Арфа. Не последнюю роль в этом пародийном изображении «Беседы...» играл церемониал: введение новых членов обыгрывалось как традиционный прием Французской академии, где новый член общества произносил похвальную речь в честь почившего предшественника. Внутренние традиции, возникшие в ходе деятельности «Арзамаса», также имели пародийное указание на нормы литературных противников. Заседания общества являли собой дружеские собрания, разительно отличавшие «арзамасцев» от участников «Беседы...». Обсуждения и критические разборы собственных произведений велись в дружеской манере, поддерживаясь юмористической ритуальностью (например, шутовые протоколы).

Стоит заметить, что под этим игровым напылением была заключена колоссальная задача: «Арзамас» сыграл роль литературной и жизненной школы для молодых писателей, оформил творцов в соответствии с их

собственным миропониманием, не исказив в процессе становления. Впоследствии через этих литераторов «Арзамас» оказывал осязаемое, но незаметное на первый взгляд влияние на общественное сознание в целом. Свобода выбора и самовыражения в жизни и искусстве, отрицание сковывающей напыщенности, нарочитой торжественности и официальной сухости сделали общество платформой для молодых дарований, с готовностью принимавшей здравые нововведения во всех творческих направлениях.

Литературное общество не имело своего издания. Лишь в последний год существования «арзамасцами» была принята к обсуждению идея создания сборника, подготовились некоторые статьи. Но выпуск журнала не состоялся.

- «Зелёная лампа» (1819-1820)

Членов литературных объединений могло связывать не только совпадение эстетических, идейных взглядов на литературу, но и общественно-политические воззрения. Наиболее наглядно такой вид внутригрупповой связи проявлялся в литературных объединениях конца 10-х – начала 20-х годов XIX века. Самые заметные объединения этого периода оказались связанными с декабристскими настроениями.

В 1819 году в доме чиновника Коллегии иностранных дел Н. В. Всеволожского, увлекавшегося литературой, зародился кружок, объединивший любителей литературы и театра. Членов кружка живо интересовали проблемы общественного и политического устройства.

Постоянными посетителями дома Всеволожского были А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, Ф.Н. Глинка, С.П. Трубецкой, Ф.Ф. Юрьев, Д.Н. Барков, Д.И. Долгоруков, П.Б. Мансуров, А.Г. Родзянко, И.Е. Жадовский.

Официальное закрепление кружка и наделение названием произошло в марте 1819 года. Свое название «Зеленая лампа» получила в связи с цветом абажура лампы, стоявшей на круглом столе, за которым и собирались члены кружка. Кружку была свойственна атрибутивность:

участники надевали колпаки, бывшие для них символом свободы и веселья, и надевали на пальцы кольца с изображением лампы – символа просвещения.

И хотя заседания протоколировались, все обсуждения сохранялись в строжайшей тайне. Участники «Зеленой лампы» читали очерки о состоянии русского театра, статьи по русской истории, написанные Всеволожским на основании летописей, стихотворные и публицистические произведения.

Особенностью «Зеленой лампы» стало параллельное участие некоторых ее членов в декабристских организациях (например, С.П.Трубецкой и Ф.Н.Глинка являлись членами «Союза благоденствия»). Однако различие между двумя объединениями не столько во взглядах, сколько в понимании жизни и отношении к ней – «Зеленую лампу» отличала атмосфера веселья с игровой окраской и свободного творчества.

Роль «Зеленой лампы» в становлении ее членов в литературном поле перекликается с ролью «Арзамаса»: многие участники кружка получили здесь опыт свободного чистого творчества, столь значительного для дальнейшей деятельности.

Название кружка вошло в историю литературы как символ писательского братства. Впоследствии возникало множество «Зеленых ламп» во всех частях света, где оказывался русский человек.

Начало этой традиции было положено в 20-х годы XX века, когда в столице Франции Д. Мережковский и З. Гиппиус организовано общество с таким же названием, как напоминание о пушкинских традициях. Эта «Зеленая лампа» светила литераторам и политикам эмиграции.

- «Общество любомудрия» (1823-1825)

Московский литературно-философский кружок, основанный В. Ф. Одоевским, Д. В. Веневитиновым, И. В. Киреевским, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным. Он представлял собой достаточно внушительное литературное объединение середины 20-х годов. Члены общества изучали труды выдающихся представителей философии – Спинозы, Канта, Фихте,

Ф. Шеллинга.

В.Ф. Одоевский совместно с В.К. Кюхельбекером издавал в 1824–1825 годах альманах «Мнемозина», где печатались многие любомудры.

После восстания декабристов Одоевским принято решение о прекращении деятельности любомудров.

- «Литературное общество 11-го номера» (1829)

30-е годы отмечены появлением целой группы кружков, создававшихся в основном студентами или выпускниками Московского университета, наиболее удаленного от чиновничьего Петербурга с его официальнойностью. Студенты имели возможность разговаривать о философии и литературе, затрагивая волнующие их темы. Часть кружков имела антиправительственный характер.

В 1829 году в комнате студента словесного отделения философского факультета Московского университета В. Г. Белинского начали собираться члены кружка «Литературное общество 11-го номера», получившего свое название по номеру комнаты будущего известного критика. Еженедельные встречи студентов-разночинцев характеризовались обсуждением актуальных вопросов в области литературы, общественной жизни, политического устройства, чтением собственных произведений и переводных трудов.

Идейное ядро кружка в полной мере представляет драма «Дмитрий Калинин», написанная Белинским в стиле шиллеровских «Разбойников» и запрещенная цензурой. Трагедия демонстрировала резкое недовольство институтом крепостничества и социального неравенства населения страны.

- Кружок Станкевича (1831-1839)

Этот кружок сформировался как круг единомышленников из одаренных студентов в Московском университете вокруг фигуры Н. В. Станкевича. Примечательно то, что Станкевич, не наделенный желанием властвовать над умами, стал своеобразным магнитом, притягивающим молодежь. Именно его артистичная, притягательная натура привлекала

людей: он умел оказать влияние без давления, в его присутствии человек чувствовал это превосходство без высокомерия и заносчивости. В дальнейшем из кружка Станкевича вышли западники и славянофилы. Среди участников данного объединения такие видные фигуры как В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, М. Н. Катков.

Круг лиц, окружавший Станкевича, проявлял интерес к философии, истории, литературе. Именно благодаря их деятельности в России получили распространение идеи Гегеля и Шеллинга. Особенно популярны книги Гегеля были в студенческой среде, среди гимназистов. Чтение философской литературы являлось показателем просвещенного, мыслящего представителя молодого поколения. Таким образом, кружок Станкевича

Благодаря деятельности членов кружка Станкевича отечественное философское сознание начало активно развиваться в 30-40-е годы.

В 1839 кружок распался в связи с отъездом и последующей смертью Станкевича. Это является еще одним подтверждением значимости фигуры Станкевича как объединяющего ядра.

- Кружок Герцена и Огарева (1831-1834)

В сравнении с кружком Станкевича, участники этого кружка в большей степени интересовались политическим аспектом, обсуждались не только философские темы, но и политические новости (труды социал-утопистов). Озабоченность политической темой выражалась в идеях свободы для каждого, всеобщего равенства и братства, призывах к созданию конституции и формированию республиканского государственного устройства. Кружковцы отрицали насилие как противное человеческому существу явление и верили в единственную возможность изменения существующего миропорядка лишь с помощью революционного переворота. Поддерживая теорию утопического социализма Сен-Симона, члены кружка вынашивали замысел проведения революционной агитации.

В 1834 году участников кружка арестовали за антиправительственную деятельность. В.И. Соколовского и А. В. Уткина заключили в

Шлиссельбургскую крепость. Герцен был отправлен в ссылку в Пермь, а Огарев с Оболенским – в Пензу.

- Литературные салоны 1840–1850-х

После подавления восстания декабристов в 1825 году и последующего ужесточения режима (в частности, выхода указа об учреждении специальной комиссии по выявлению неблагонадежных общественных организаций) небольшие дружеские кружки и салоны стали единственными возможными проявлениями общественной жизни.

Литературная жизнь продолжалась в многочисленных московских и петербургских салонах, на вечерах, «пятницах», «субботах» и иных собраниях подобного рода. Известны московские салоны Аксаковых, Хомякова.

Славянофилы объединялись вокруг нескольких литературных журналов, в результате чего редакции журналов становились концентрированными центрами общения единомышленников. Наиболее выдающийся из славянофильских журналов – «Москвитянин».

- Реформы 60-х годов осуществили сдвиг в общественной жизни государства в сторону ослабления контроля и цензуры: появилась возможность более свободно выражать идеи, что повлекло за собой подъем активистского движения – либерального и революционного. Так появилась тенденция на смену литературной заинтересованности членов студенческих кружков революционными устремлениями. Частично прежнюю роль кружков в историко-литературном процессе стали замещать редакции журналов (к примеру, «Современник» Некрасова и Панаева).

- Пятницы у Буташевича-Петрашевского

С середины XVIII века набирает обороты процесс политизации литературных объединений.

Собрания, проходившие по пятницам у М. В. Буташевича-Петрашевского, объединяли журналистов и писателей (например, их посещали Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин). Особое внимание

уделялось общественно-политическим вопросам. Участники «пятниц» разбирали труды мыслителей-социалистов (Шарля Фурье), увлекались идеями утопического социализма, выступали против произвола властей, высказывались об отмене крепостничества и освобождении крестьян с обязательным земельным наделом.

Петрашевцы являлись сторонниками подготовки народных масс к революции, за свою позицию в отношении к действующему государственному строю были арестованы в 1849 году и приговорены к казни, которая была заменена бессрочной каторгой.

- Пятницы у Я. П. Полонского

В конце столетия (80–90-е годы) сотрудничество петербургских литераторов происходило в формате пятниц Я.П. Полонского: встречи литераторов и музыкантов происходили еженедельно в доме у поэта и его занимавшейся скульптурой жены Жозефины Полонской. С 1898 года место проведения пятниц изменилось в связи со смертью Полонского, теперь встречи проходили в доме поэта К. К. Случевского. Известно, что завсегдаем этих пятниц был Н.С. Гумилев – будущий лидер акмеистов.

Как мы видим, очень часто выдающиеся деятели искусства и литературы в молодости состояли в различных общественно-литературных организациях, в большей или меньшей степени оказывавших на них свое влияние и становившихся своеобразной «школой», формирующей художественные взгляды и творческие методы.

В конце XIX – начале XX века назревает необходимость поиска новых путей в искусстве.

1.4 Литературные объединения XX века

Рубеж веков часто становится переломной эпохой – меняются столетия, происходит переоценка идеалов прошлого в соответствии с нормами времени, меняется личностная характеристика человека и творца.

Такой переломным периодом стало для русской литературы начало

XX века. Прорыв науке и искусстве открывал для человечества обилие новых возможностей. В этой ситуации большая часть интеллектуальной деятельности по формированию нового мировоззрения и новой культуры легла на писателей и философов. В связи с тем, что новые идеи быстрее и успешнее формируются в процессе обсуждения, именно этот период способствовал сближению родственных по мировосприятию литераторов и философов в рамках салонов и культурных обществ.

Новые идеи возникали в исключительном многообразии в процессе общения, в спорах. Рождалась мода на разнообразные клубы, артистические кабаре и «собрания». Единственным необходимым условием было стремление к большей необычности и оригинальности, что, в свою очередь, усиливало воображение и творческую фантазию. Определенные объединения получали особую популярность, становились так называемыми творческими «лабораториями».

- Религиозно-философское общество З. Гиппиус и Д. Мережковского (1901)

В 1901 году в Петербурге проходили встречи религиозно-философского толка, которые позже получили название Религиозно-философского общества. Целью собраний был вопрос духовный: велись поиски нового христианства путем диалога светской интеллигенции и церковных служителей. Эти встречи оказали заметное влияние как на посетителей квартиры Гиппиус и Мережковского, так и на их собственное творчество (например, эта деталь биографии Д. Мережковского во многом сказалась на известной трилогии «Христос и Антихрист»).

- «Среды» Вячеслава Иванова (1905)

Встречи литературно-философской направленности, проходившие в доме поэта-символиста Вячеслава Иванова на Таврической улице в Петербурге на верхнем этаже в круглой угловой комнате, откуда пошло выражение «встречи на башне». Попасть «на башню» в среде литераторов считалось очень почетным, «Среды» Иванова стали своеобразным

пропуском в «высшее общество» интеллигенции. Здесь собирались А. Блок, А. Белый, Ф. Соллогуб, М. Кузмин и другие. Особенностью «Сред» была должность председателя (Н. А. Бердяев), управлявшего ходом диспутов. Первую половину встречи занимали диспуты на волнующие присутствующее общество темы – религия, мистика, искусство. Вторая половина занимала чтение стихотворений. С 1908 года собрания стали посещать поэты, впоследствии объединившиеся в литературное общество «Цех поэтов». Как вспоминал позднее С. К. Маковский, большая часть поэзии «если не «вышла» из Ивановской «башни», то прошла через нее» [49]. «Среды» Иванова сыграли огромную роль в формировании плеяды поэтов Серебряного века.

- Аргонавты (1903-1910)

Кружок объединял молодых символистов, студентов Московского университета. А. Белый стал главой и идейным «рулевым» объединения.

Известными «аргонавтами» были Эллис (Л. Л. Кобылинский), В. В. Владимиров, А. С. Петровский, С. М. Соловьёв, братья Метнеры, Н. П. Киселёв, А. П. Печковский, А. С. Челищев, М. А. Эртель, П. Н. Батюшков. Кроме того, в кружке состояли художники, философы, музыканты.

Этот кружок был воплощением неформального объединения символистской направленности. Названием объединения стал символ поиска жизненного ориентира целого поколения, основанный на древнегреческом мифе о Ясоне, отправившемся на корабле «Арго» на поиски золотого руна в далекую Колхиду. Отличительной чертой кружка было отсутствие догм и правил, А. Белый сам находился в поиске идеальной концепции настоящего, «правильного» символизма и не ограничивал в мировоззренческих исканиях соратников.

«Аргонавты» в 1904 году совместно с кружком П. И. Астрова (литературно-философские «астровские среды») издали два выпуска сборника «Свободная совесть», а в 1909 году некоторые члены кружка основали собственное издательство «Мусагет».

- Редакции журналов «Весы» и «Аполлон»

Редакции журналов «Весы» и «Аполлон» также стали своеобразными литературными центрами. Здесь проходили встречи литераторов, художников, критиков.

«Весы» – ежемесячный журнал научно-литературного и критико-библиографического направления, выходивший в Москве в книгоиздательстве «Скорпион» в период с января 1904 по декабрь 1909 года. Журнал представлял собой основной идейный орган русского символизма. В качестве редактора-издателя выступал меценат С. А. Поляков, в то время как Валерий Брюсов руководил журналом. Среди сотрудников «Весов» числились В. Иванов, А. Белый, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, В. Розанов, Макс. Волошин, Н. Минский, А. Блок, Д. Мережковский, Зинаида Гиппиус, М. Кузмин, Эллис. В сотрудничестве с журналом состояли Н. Гумилёв, С. Городецкий, В. Мейерхольд. «Весы» содержали квинтэссенцию стилей и настроений в лицах своих членов: «крайний эстетизм»[51] раннего К. Бальмонта соседствует с «индивидуалистическими созерцаниями»[51] В. Брюсова, «универсальным дионисизмом»[51] Вяч. Иванова, «подчеркнутым мистицизмом»[51] З. Гиппиус, «романтическими стремлениями»[51] Блока, «синтетическим ницшеанством»[51] А. Белого и «крайним бодлеризмом»[51] Эллиса. Такое разнообразие взглядов сотрудников журнала не могло не вызывать некоторых противоречий. Однако объединяющим фактором всего этого калейдоскопа непохожих друг на друга творцов являлась борьба за существование символизма как литературного направления.

«Аполлон» – иллюстрированный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в период с 1909 по 1917 год. Журнал занимался темами музыки, живописи, литературы и театра. Как информационный орган интеллигенции, «Аполлон» публиковал материалы, касавшиеся истории русского и зарубежного творчества, печатал обзоры выставок и театральные постановки, поднимал вопросы изучения и сохранения

памятников русского искусства. Журнал являлся средоточием различных течений в области искусства своего времени – к нему примкнули символисты, акмеисты, формалисты. Здесь печатали свои труды С. Городецкий, М. Волошин, А. Блок, О. Мандельштам, Н. С. Гумилев. Последний выпуск журнала состоялся осенью 1918 года за предыдущий год. В связи с финансовыми неурядицами создателям журнала пришлось прекратить его деятельность. «Аполлон» соединял в себе просветительскую задачу с консолидацией творческих сил новых литературных направлений.

- «Цех поэтов» (1911-1914)

Данное название поочередно носили несколько поэтических объединений с начала XX века. Фактически существовало три объединения с этим названием в одном только Санкт-Петербурге.

Первый из них, о котором и пойдёт речь, был основан в 1911 году Н. С. Гумилёвым и С. М. Городецким.

В «Цех» также вошли А. Ахматова, О. Мандельштам, Вера Гедройц, В. Нарбут, М. Зенкевич, М. Лозинский. Первоначально в объединении состояли М. Кузмин, А. Толстой, В. Маяковский.

История названия группы восходит к традициям ремесленных гильдий средневековой Европы и подчеркивает особое отношение членов объединения к поэзии как ремеслу, которое требует упорного труда и самоотдачи, а не сиюминутного вдохновения. Даже на уровне организации группа напоминала ремесленное производство – во главе «Цеха» стоял синдик (главный мастер). Ученики (подмастерья) обязаны были аккуратно постигать нюансы своего ремесла, чтобы в конечном результате стать поэтами (мастерами). По мысли создателей, объединение должно выполнять функцию площадки для обучения новым знаниям в своей области и оттачивания поэтического мастерства. Стихотворное произведение называлось «вещью», которую необходимо создать по определенной технологии. Именно этим «технологиям» обучались ученики «Цеха». Подобное отношение к поэзии было настолько нетипично для

существующего творческого опыта, что вызывало шок.

Первоначально члены группы не ассоциировали себя ни с одним из существующих в литературе направлений, они сознательно отходили от принятого эстетического идеала. Впоследствии (через год после основания «Цеха») члены группы заявили о создании нового литературного течения в русской литературной практике – акмеизме, назвав себя основателями и первыми последователями.

В соответствии с идеями представителей новоявленного направления, особое внимание отводилось материальности, предметности тематики, «вещественности» образов, точности слова. Публичное представление программы акмеизма произошло в кабаре «Бродячая собака» в Петербурге в декабре 1912 года.

Как большинство литературных объединений, «Цех поэтов» выпускал свои поэтические сборники. Публикации участников «Цеха» встречались в журналах «Гиперборей» и «Аполлон».

Закат первого объединения акмеистов произошел в апреле 1914 года. Оно стало родной гаванью творцов, которых стесняли рамки символистской эстетики, и вместо подчинения существующим нормативам они оттолкнулись и обратились на поиски нового идеала.

- «Никитинские субботники» (1914-1933)

Встречи, посвященные литературе, проходили по субботам с 1914 в Москве на квартире у литературоведа Е. Ф. Никитиной. На «Никитинских субботниках» встречались филологи, литераторы, художники, придерживавшиеся самых разных направлений, выпускники и профессора Московского университета. Позднее Е. Ф. Никитина основала собственное издательство. Сохранилось немного достоверной информацией о данном объединении, вероятно, произошло это в силу природной скрытности основательницы «субботников». Широкому кругу о существовании «Никитинских субботников» стало известно лишь в 60-е годы XX века благодаря статьям, опубликованным в различных источниках.

- После 1905 начинает возникать новый подвид творческих общественных объединений – рабочие кружки (в их становлении немалую роль сыграл М. Горький). Но особенно широко эти рабочие кружки и организации развиваются уже в послеоктябрьскую эпоху.

Подвергаются изменению (в сравнении с прошлым) тип писателя и методы работы объединений. Писатель отныне – активный участник социалистической практики.

- Пролеткульт (Пролетарские культурно-просветительные организации) (1917-1932)

Объединение представляло собой массовую организацию пролетариев при Наркомате просвещения, ориентированную на культурно-просветительскую и литературную деятельность.

Формирование нового государства на дымящихся руинах прежнего с использованием прямо противоположной идеологической установки потребовало от руководящего аппарата действующих методов воспитания массового сознания. Искусство прошлых поколений было признано непригодным по причине поддержания интересов господствующего класса и полным игнорированием потребностей рабочих и крестьян. Так было заявлено о необходимости развития пролетарской культуры. Вскоре после Февральской революции начали появляться культурно-просветительные организации пролетариата. По инициативе А.В. Луначарского была созвана первая конференция. Массовой организацией со своими организациями в ряде городов Пролеткульт стал после Октябрьской революции.

А. А. Богданов, А. К. Гастев, В. Ф. Плетнёв являлись идеологами Пролеткульта. Они исходили из определения «классовой культуры», сформулированного Плехановым. Богдановым особо отмечалась основополагающая роль искусства в формировании массового сознания, воспитательная функция всех областей культуры высоко ценилась идеологическим аппаратом организации. Началось укрепление складывающегося классового сознания общества путем пропаганды через

живые образы произведений искусства.

- «Кузница» (1920-1931)

Московское объединение литераторов, образовавшееся из вышедших из Пролеткульта поэтов (М. Герасимов, В. Александровский, В. Кириллов, С. Обрадович, В. Казин, Г. Санников, Н. Полетаев, С. Родов).

В 1920-1922 литературное объединение выпускало журнал «Кузница», в 1924-1925 – двухмесячный «Рабочий журнал», в конце 20-х гг. – «Журнал для всех», «Пролетарский авангард».

«Кузнецы» желали освободиться от пристального внимания идеологов Пролеткульта и свести к минимуму их влияние на продукт творческой деятельности литературной группы. Протест, объявленный жесткому регламенту поэтических произведений со стороны опекающего органа культпросвета, привел к объявлению членами «Кузницы» о необходимости творческой свободы в выборе методов. Общее художественное видение о способах развития нового искусства роднило «Кузницу» с Пролеткультом, однако активное требование правды в искусстве вносило значительное отличие между этими двумя организациями.

Поэзия «кузнецов» считается образцом пролетарской романтической лирики времен военного коммунизма. В ней идеализируется трудовая деятельность, пролетариат как класс и промышленность.

В 1931 году «Кузница» вливается в РАПП.

- Имажинизм (1918-1927)

В 1918 году в Москве был основан «Орден имажинистов». Его создатели – А. Мариенгоф, В. Шершеневич (бывший футурист) и С. Есенин (бывший новокрестьянский поэт). Начало деятельности имажинистов было положено 30 января 1919 года публикацией имажинистской «Декларации» в воронежском журнале «Сирена». Центры имажинизма существовали также в некоторых городах провинции. В общем направлении деятельности литературного течения угадывается влияние русского футуризма.

В период своего расцвета имажинисты представляли собой одну из самых развернутых литературных группировок Москвы, поражавшей общественность своими экстравагантными выходками. Ими организовывались творческие вечера, издавались авторские и коллективные сборники. «Ордену имажинистов» принадлежал журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», издательства «Имажинисты», «Плеяда», «Чихи-Пихи» и «Сандро». «Орден имажинистов» также обладал теоретическими разработками по своему направлению: «Ключи Марии» Есенина, «Буян-остров» Мариенгофа, « $2 \times 2 = 5$ » Шершеневича, «Имажинизма основное» Грузинова.

Характерной чертой имажинистов стал отказ от смысла и выбор образа как главный компонент творчества. Грамматические нормы не являлись определяющими в творческой деятельности группы. Стихотворные произведения создавались в виде каталогов образов, использовалось нагромождение метафор (основного изобразительного средства). Особая роль отводилась подчеркнутой аполитичности и абсолютной склонности к богемному образу жизни.

Фактический распад группы произошел в 1925 году. Во многом на данный исход повлияли негативные критические отзывы в советской печати.

- «Серрапионовы братья» (1921-1926)

Образованное в Петрограде объединение молодых литераторов получило название от цикла новелл немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана «Серрапионовы братья».

Объединение представляло собой группу закрытого типа (изначальный жесткий отбор вскоре был прекращен). В ряды «Серрапионовых братьев» вошли В. Познер, М. Зощенко, В. Каверин, Н. Никитин, Е. Полонская, М. Слонимский, В. Шкловский, К. Федин, Н. Тихонов.

Евгений Замятин выступал в роли идейного руководителя

объединения. «Серапионовы братья» в своих декларациях указывали на свою аполитичность. Участники объединения отрицали идейность в искусстве, не относили себя ни к какой партии, настаивая на идеалистической эстетике о незаинтересованности эстетического наслаждения.

«Серапионовы братья» были осуждены партией за неприятие пролетарской идеологии и демонстративную аполитичность.

Репрессии и усиление цензуры в ходе развития социалистического строя в итоге принудили часть «Серапионовых братьев» принять сторону советской власти (К. Федин, Н. Тихонов, М. Слонимский).

- ЛЕФ («Левый фронт искусств») (1922—1929)

Творческое объединение «Левый фронт искусств», действовавшее в Москве и некоторых других городах страны.

Члены ЛЕФа признавали литературу факта (господство документальности над вымыслом), производственное искусство и социальный заказ стали основными принципами деятельности организации. Звучали предложения о замене всего литературного пласта журналистикой по причине отсутствия явного практически полезного компонента в литературе. Полностью отрицалась свободное видение художника-творца.

Ядро группы сформировали бывшие футуристы, среди которых выделялись В. В. Маяковский, ставший лидером объединения, Н. Н. Асеев, О. М. Брик. В деятельности нового объединения приняли непосредственное участие писатели Б. Л. Пастернак, А. К. Гастев, В. Б. Шкловский, И. Э. Бабель.

«ЛЕФ» выпускал одноименный журнал и «Новый ЛЕФ». В 1929 году Маяковский покинул ЛЕФ и попытался создать РЕФ (Революционный фронт [искусств]), однако разгромная статья в «Правде» 4 декабря 1929 года и вступление Маяковского в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей) привели к окончанию существования РЕФа.

- ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) (1927-1930)

Группу основали Д. Хармс, А. Введенский и Н. Заболоцкий в 1926 году. Небольшая (практически камерно-салонная) группа поэтов, бывшая под влиянием футуристов (В. Хлебникова), считала своей целью изображение действительности в пародийно-абсурдных тонах. Объединение призывало к революции в области искусства. С «обэриутами» сотрудничали художники П. Филонов и К. Малевич.

«Обэриуты» чаще всего издавались в 30-е годы в качестве детских авторов. В 70-80-е годы экспериментальная практика «ОБЭРИУ» получила продолжение в творчестве представителей авангардного искусства (Г. Саше И. Холин, Д. Пригов, Т. Кибиров и др.).

- «Перевал» (1923-1932)

Название образовалось от статьи главного редактора журнала «Красная новь» А. Воронского «На перевале». Часть положений этой самой статьи легла в основу «Перевала». Изначально группа представляла собой объединение молодых поэтов, вышедших из «Молодой гвардии» и «Октября» (М. Светлов, М. Голодный, А. Ясный). Публикации участников «Перевала» появлялись в журналах «Красная новь», «Новый мир». Группа издавала сборники «Перевал» (1924—1932). В 1930 вышла антология «Перевальцы».

Объединения провозглашало искренность творческой деятельности даже в случае несоответствия с партийными взглядами, творчество по вдохновению, «новый гуманизм». И хотя членами группы признавалось право на существование в литературной практике «социального заказа», однако в то же время утверждалось право творца на самостоятельный выбор темы.

Давление рапповской критики с 1927 привело к сокращению состава группы. В 1930 после резкого усиления нажима РАПП на все иные писательские объединения из «Перевала» ушли П. Павленко, А. Новиков, Малышкин и Пришвин.

- РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) (1925-

1932)

Журнал «На литературном посту», изначально бывший печатным органом группы «Октябрь», выражал идеологию РАПП. Лозунг «учёбы у классиков» при этом пришел на смену лозунгу «пролетарской культуры». Изменению подверглась сама концепция литературы, представлявшаяся отныне как «союзник или враг», отвергалась идея писателей-«попутчиков», объявлялся «призыв ударников в литературу». Среди актуальных направлений литературы органом признавался психологизм, находила поддержку теория «живого человека», принимался метод психологического анализа изображаемых героев.

РАПП с ВОАПП и рядом других писательских организаций был расформирован постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года. Была введена единая организация Союз писателей СССР. Руководители РАПП заняли высокие посты в новом объединении, а большинство членов РАПП вошли в Союз писателей.

Выводы по первой главе

История литературных объединений достаточно разнообразна. Она ведет свой путь от меценатства и аристократических салонов к буржуазным кружкам, а от них – к новым формам писательских организаций, создававшихся пролетариатом СССР. Литературные объединения в каждом периоде своего исторического развития служили интересам определенных общественных групп. Следовательно, история литературных объединений оказывается в тесной взаимосвязи с мировой историей.

Литературные образования были разными, но каждое внесло свой вклад в развитие языка, жанровое многообразие, тематическое и эстетическое разнообразие литературы нашей страны. Некоторые из них способствовали возникновению новых направлений литературы и искусства. Другие – служили тем толчком, трамплином, благодаря которому

шло дальнейшее развитие творческого потенциала писателей.

Революция 1917 года, Гражданская война и эмиграция многих деятелей культуры и творчества положили конец существованию большей части литературных кружков. На смену им пришли новые, партийно направленные литературные объединения. К середине XX века свобода литературного творчества и разнообразие его форм пошли на спад в связи с усилением цензуры.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА «СНЕЖНОЕ ВИНО»

2.1 Историко-литературный контекст

Непригляден и суров мир периода после окончания Великой Отечественной войны. Разрушенные города и семьи, сломанные судьбы – вот то, что первым приходит в голову, когда мы слышим слова «послевоенное время». Однако это далеко не всё.

Существуют воспоминания, свидетельствующие о том, что возрождение города Сталинграда начиналось с реставрации и открытия школ. Например, одно из таких принадлежит Людмиле Павловне Овчинниковой, журналисту, которая сама училась в школе разрушенного Сталинграда. Она вспоминает, как практически сразу после окончания войны наткнулась на объявление об открытии набора учеников в школу. Школа эта была организована в подвале – наверное, единственном на тот момент помещении, которое смогли найти и которое отвечало хотя бы малой части требований, которые были необходимы для осуществления качественного образовательного процесса. Обнаружить учебное заведение можно было лишь по специальной вывеске-указателю. По воспоминаниям Л. Овчинниковой, столы и скамейки сколотили из досок, и они были настолько длинными, что каждый стол отводился одному классу. Доски не было – из положения вышли, используя в её качестве дверь зелёного цвета. Тетрадей тоже не было. Дети писали в конторских книгах «химическими карандашами» – тоже своего рода символом эпохи: его секрет заключался в способности преобразовывать карандашный след в нестираемый «оттиск», похожий на написание чернилами. Оснащённость «кабинета» не то что на низком уровне – её нет. Разумеется, трудно ожидать иного – послевоенное время, только отгрохотали взрывы, прекратились бомбёжки, вокруг разрушенный мир. И вот это возрождение массовой школы ознаменовало собой начало возвращения к нормальной, мирной жизни.

И пример Людмилы Овчинниковой далеко не единичный. Образовательные организации всей страны даже в тяжелые времена стояли на страже знаний, трудясь и «образовывая» подрастающее поколение – будущее полуразрушенной страны. И ВУЗы не стали исключением.

Суровые жизненные реалии того времени не могли не наложить отпечатка на образовательную сферу. С началом войны множество молодых парней и девушек встали из-за столов учебных аудиторий и отправились добровольцами на фронт. Сам Челябинский педагогический институт в годы Великой Отечественной войны функционировал как патронный завод. Уже после окончания войны и начала процесса возвращения жизненных реалий в привычное довоенное русло студенты вернулись в институт. Их встретили аудитории, буквально пропитавшиеся запахами патронного завода – пороха, железа и масла. Кабинки в туалетах общежитий не имели дверей. Для всех – продукты питания только по талонам и карточкам, а в рядах студентов – вчерашние фронтовики, в гимнастёрках, со шрамами на лицах, на костылях [75].

Сложившуюся после окончания Второй мировой войны ситуацию в советском обществе историки называют «послевоенным сталинизмом». Этот период от окончания войны и до смерти И. В. Сталина в 1953 году характеризовался ужесточением тоталитарного режима и новым витком борьбы с инакомыслием. Цензурный надзор ужесточился: пристально рассматривались литературные произведения перед выходом в печать, общественные организации и отдельные личности строго изучались на предмет благонадёжности и отсутствия угрозы с их стороны для государственного строя.

Ситуация в литературе возникла следующая: в постановлении оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград» указанные издания были объявлены площадками пропаганды идей, не соответствующих политике партии, обвинялись в издании идеологически вредных произведений. Подверглись критике и были

исключены из Союза писателей СССР М. Зощенко и А. Ахматова. Постановление коснулось также целого ряда писателей и поэтов. Запрет некоторых литературных произведений и закрытие журналов стали закономерным продолжением постановления [19].

Подобные постановления решили также судьбу кино, театра и музыки – основных сфер искусства. Государство решало, что говорить, кому говорить и когда говорить. За любое нарушение, даже эфемерное, надуманное, «виновные» незамедлительно жёстко наказывались.

26 августа вышло постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Этот запрет решил судьбу постановок пьес зарубежных авторов: государство посчитало необходимым создание советского репертуара, идеологически насыщенного и практически полезного с точки зрения пропагандистского влияния на массы. 4 сентября вышел новый запрет, он коснулся кинофильма «Большая жизнь»: цензурой отмечалось идейное несоответствие фильма с формируемой в советском обществе средой; фильм, по мнению цензоров, обладал способностью тлетворно воздействовать на нравственную составляющую личности советского гражданина. В упрек фильму ставилась обращенность к личным переживаниям героев при незначительном, словно вскользь упомянутом, описании восстановления Донецкого бассейна. Обращение к деталям быта и лирическому описанию внутреннего мира героев было названо примитивным и не соответствующим советской действительности, а собственно название фильма («Большая жизнь») было воспринято цензурой как издевательство над реалиями Советского Союза. 10 февраля 1948 года появилось постановление «Об опере В. Мурадели "Великая дружба"»: в этом случае цензура отрицательно восприняла литературное направление, в рамках которого написана пьеса (формализм), также ложным называется утверждение в фабульной части о противостоянии некоторых из народов Северного Кавказа установлению советского главенства в двадцатые годы двадцатого века [19].

Так под контролем государства оказались важнейшие объекты, способные формировать взгляды общественности и влиять на настроения народа – «потребителя» культурной «продукции». Эти постановления преследовали одну цель – обязать творческую интеллигенцию создавать идеологически окрашенные произведения, прославляющие трудовые подвиги советского человека.

Подобные попытки использования литературы и других сфер искусства как орудий для достижения определенной политической (идейно окрашенной) цели предпринимались в истории нашей страны и ранее.

Примером может служить формирование В. Г. Белинским «натуральной школы», с которой началось постепенное оформление направления критического реализма в русской литературе XX века, под эгидой имени Н. В. Гоголя, не разделявшего воззрений «неистового Виссариона». В данном случае Белинский, прекрасно понимая формирующую роль литературы, преследовал определенную цель – создать в Российской империи платформу для преобразований в социально-политическом поле, базировавшуюся на социально ориентированной литературе, практически полезной с точки зрения пропаганды критического отношения к существовавшей действительности (преимущественно затрагивавшей «низкие» слои общества). В критических статьях определенным образом трактуя произведения Гоголя, Белинский намеревался основать в России движение, способное изменить существующее положение. В. Г. Белинский склонялся к революционному преобразованию действительности и использовал творчество Н. В. Гоголя, преломляя значимые составляющие его произведений таким образом, чтобы те слаженно и продуктивно работали на благо «натуральной школы». Другой литературный критик XIX века, Н. А. Добролюбов, похожим образом использовал фигуру Ильи Ильича Обломова – героя романа И. А. Гончарова. Трактовка образа Обломова в критических статьях Добролюбова более походила на революционный призыв к действию и

демонстрацию инертности современного критику русского человека.

Следовательно, попытки манипулятивной эксплуатации литературы и культуры не являлись открытием политиков сталинского периода. Однако победа в Великой Отечественной войне породила в людях надежду на лучшее будущее и возможность перемен, создав так называемый демократический импульс того времени. Этот импульс вошел в сопротивление с активизировавшимся идеологическим прессингом со стороны властей и нашел выражение в целом ряде молодежных объединений, не придерживавшихся сталинских принципов. Так А. В. Жигулин в книге «Черные камни» указывает на образовавшиеся демократически настроенные группы Москвы, Воронежа, Свердловска и Челябинска [28].

В. В. Грицай в статье «Кризисные проявления в культурной жизни советской молодежи в послевоенный период» демонстрирует изменение настроений молодежи во второй половине 40-х годов XX века в связи с ростом недовольства нормами культурной жизни [22]. Он приводит в пример случай со студентами 3-го курса исторического факультета МГУ в 1947 году, которые подняли на обсуждение в стенной газете «Летопись» вопрос о героях романа «Молодая гвардия». Еще одним примером в указанной статье названо самообразовательное общество «Любовь и голод правят миром» Эрнста Неизвестного, занимавшееся тем, что в 1944 году его участники переводили произведения Оруэлла, который относился к Сталину как к предателю идеи демократического социализма и воплощению тоталитаризма, что являлось причиной глубоко отрицательной оценки писателя в СССР, а также слушали доклады по теософии и генетике – науке, отрицавшейся в советском пространстве в период с 30-х по 60-е годы и подвергавшейся преследованию как ложной и откровенно буржуазной. Грицай В. В. также указывает культурно-просветительское общество «Чайка», основанное в Якутске студенткой педагогического училища М. Богатыревой; «Поэтический семинар» в одном из подвальных помещений

Политехнического музея в Москве середины 1940-х гг.; «Литературно-творческий кружок» в Уральском университете на факультете журналистики. Деятельность этих организаций включала в себя тайные литературные диспуты, альманахи со стихотворениями запрещенных и забытых поэтов, публичные выступления.

Государство сделало своей целью установление наблюдения и подчинение идеологической системе всех областей культурно-просветительской деятельности. Учитывая природную склонность и высокие способности представителей молодого поколения к анализу и бурной мыслительной деятельности в целом, цензурными органами было предпринято пристальное наблюдение за молодёжными организациями в особенности.

2.2 Причины возникновения объединения

Как уже было указано, создание в непростое с точки зрения безопасности свободомыслия и изъявления настроений, не совпадающих с одобряемыми политикой правящей партии, время практически любое молодежное объединение рано или поздно привлекло бы внимание определенных государственных органов.

Здесь встает вопрос о причинах создания общества «Снежное вино». Это литературное объединение было организовано студентами Челябинского института в 1945 году, вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Освальд Плебейский, впоследствии выбранный президентом общества, в самом начале этой войны ушёл добровольцем на фронт. Командир отделения противотанковых ружей танкового корпуса, наделённый поэтическим даром чувствительный молодой человек, он, участвовавший в боях, успел увидеть и прочувствовать войну во всей её боли и ужасе. Чего хочет человек, вернувшийся из ада? Наверное, он хочет покоя и гармонии, хочет «вылечиться» от душевных ран, которые, несомненно, нанесла ему война за долгие годы. А ещё поэту, заключённому

в тело фронтовика, хочется говорить. Армия – это не то место, где позволено высказывать все свои мысли и чаяния в их поэтическом многообразии, а армия в военное время представляет собой ещё более строго организованную структуру. Насущная потребность высказаться и быть услышанным, на наш взгляд, стала одной из причин возникновения объединения.

Обратим внимание на цитату из программы общества «Снежное вино»: «Стремление к чему-то далекому, смутным блеском сияющему в туманной дали искусства, стремление выйти из рамок сухой действительности в необозримый океан новизны и свободы натолкнуло нас на мысль создать «Снежное вино». ...К какому берегу пристанет наш фантастический корабль страстных мечтаний и горьких разочарований, к радужным ли берегам сочувствия, или разобьемся о мрачные утесы холодного равнодушия, но лучше вспыхнуть и умереть, чем жить тлея!» [75, с. 18].

Реальность, ограниченная строгой, сухой, партийной цензурой, стала одной из причин создания «Снежного вина». Уставшим от военного времени людям требовалась более свободная общественная обстановка, чем та, что предлагалась государством. Выжившим в войну хотелось жить, а не «тлеть».

Заметим также, что в кружки объединяются прежде всего молодые: «для них проблема поиска и выбора всегда существеннее и актуальнее прочих» [75, с. 6]. Молодым людям комфортно и естественно расти и развиваться во взаимодействии с единомышленниками, это нам показывает и пример «арзамасцев». Нам представляется создание общества своеобразной литературной игрой: фигурирование во многих документах общества «Снежное вино» как тайного, тогда как тайны из него никто не делал, наличие атрибутов церемониальности и традиционности (девиз, герб, порядок проведения собраний, членские книжки и т.п.) и название, непрозрачно намекающее на стихотворение А. Блока демонстрируют

желание членов общества иметь некое собственное пространство, свободное от жизненных реалий того времени.

В отношении членов объединения к действительности угадывается влияние К. Бальмонта: то же противопоставление рациональному началу и идее полезности иррациональности мира человеческой души, тот же поиск ответов на важные вопросы современности в самом человеке. Сравнения Бальмонта конкретной человеческой жизни с челном в бушующем море, спасение в сознательном уходе от реальности в мир символов бытия, музыкальность и поэтичность отчетливо видны в теоретических воззрениях объединения.

2.3 Основные положения и структура объединения

Первоначально в общество вошли А. П. Демидов, В. И. Левицкий, Я. А. Малахов, О. Л. Плебейский, Г. А. Сорокин. Президентом общества был избран Освальд Плебейский. Борис Брук, не являясь членом общества, состоял в дружеских отношениях с редколлегией и написал один критический отзыв для машинописного издания объединения.

Список участников общества представлен в **Приложении 1**. Он составлен на основании материалов приговора и представляет собой сухое, протокольное изложение основных «технических характеристик» людей, осужденных по делу «Снежного вина».

В целом, члены общества подошли весьма серьезно к организационным вопросам. Своей целью они считали расширение собственного кругозора путем свободных докладов и бесед на темы искусства и романтики. Уже само целеполагание отсылает к традиции литературных объединений XIX века с характерным для того периода ключевым положением о назначении объединений данного типа.

Первое собрание общества состоялось 26 января 1945 года. Все собрания группы протоколировались, на первой встрече обсуждался ряд вопросов, тесно связанных с организацией новоявленного объединения и

выявлении фундаментальных принципов, в соответствии с которыми планировалась дальнейшая деятельность группы. В процессе заседаний были приняты программа, название и герб объединения. Программа объединения провозглашала отказ от принципов официальной эстетики и демонстрировала курс на более свободную творческую практику, характеризовала членов объединения как литературных экспериментаторов. Эпиграфом к программной статье «Снежного вина» была взята цитата из эссе К. Бальмонта о красоте поэзии, заключённой в большем желании этой красоты, чем способна предложить человеку и творцу окружающая его действительность. Первое собрание включало в себя в том числе выбор президента, которым стал Освальд Плебейский, и определение периодичности выхода одноименного машинописного издания объединения. Планировалось присуждение почетного членства, хотя требования для подобного выбора оставались на тот момент под вопросом. Обществу дали девиз, характеризующий эстетические взгляды участников: «Мысль через искусство». Здесь мы видим, что члены объединения ставили перед собой не просто проведение литературных опытов графоманского характера, но прежде всего выражение волнующих их идей и настроений посредством художественных сочинений. Выбранный герб представлял собой символическое изображение хрустальной рюмки, увенчанной шапкой льда в венке из золотых дубовых листьев (**Приложение 2**)

Общество имело свои членские книжки: здесь налицо влияние существовавшего с 1934 года Союза писателей СССР. Свобода в художественном отношении – традиция литературных группировок прошлого – сочеталась с практикой ограничения и оказания влияния на своих членов со стороны общества – отличительная черта литературных и культурных организаций сталинского периода. С получением членской книжки человек становился полноправным участником «Снежного вина» и был обязан подчиняться своду правил: аккуратно посещать каждое собрание, читать доклады обязательно стоя, считать конфиденциальными

вопросы, выносящиеся на обсуждение общества, в возможных пределах разделять с членами своего общества личные радости и невзгоды.

Примечательно то, что в общество не принимались девушки – членом нового объединения мог стать только представитель мужского пола. Здесь также видим отличительную черту патриархального уклада, который, однако же, недостаточно оправданно соотносится с нормами подобных сообществ в истории: не все их них являлись *«маскулиннонаправленными»*. Членам партии также решено было отказываться в публикации, но в данном случае причины достаточно прозрачны – отсутствие в рядах новообразованного объединения партийных представителей оставляло возможность «Снежному вину» избежать внимания и контроля со стороны партийной организации. Принципы, на которых происходило объединение молодых литераторов в составе общества «Снежное вино» были просты: схожее мироощущение и взгляды, дружеские связи, горячее желание творить в группе единомышленников. Характер взаимодействия членов общества больше похож на студенческие объединения времен А. С. Пушкина с их дружеским настроем, чем на литературное объединение середины XX века. «Снежное вино» отличала небывалая для того времени демократичность: дискуссии и беседы протекали свободно, темы выбирались членами общества на свое усмотрение, без привязки к существовавшей идеологии.

«Снежное вино» ввело в практику своего общества использование псевдонимов, например, Геннадий Сорокин стал Г. Стреловым, Герман Лыткин выбрал себе псевдоним Г. Гренадин, Я. Малахов – Старожил. Эта традиция находит отклик в более известном обществе – «Арзамасе».

Вышеуказанные факты (структурная упорядоченность, атрибутивность, наличие собственного издания) позволяют сделать заключение о типологии «Снежного вина» как *литературного общества*.

В соответствии с представлениями социальной психологии, «Снежное вино» представляется возможным характеризовать как относительно малую

группу с принципом внутренних связей, основанных на взаимном влиянии всех членов друг на друга и прочном восприятии себя не как отдельно взятых лиц, а как группы, некоего собирательного «мы». В организации и структуре «Снежного вина» имеют существенное значение такие черты социальной группы как наличие тесного взаимодействия, взаимного влияния, оказываемого каждым участником на остальных, самовосприятия и отождествления себя непосредственно с объединением. Признаком окончательного формирования социальной группировки можно назвать соответствие следующим критериям: общности групповых целей, четкой структурной комплектации объединения, динамичности групповых процессов. В деятельности «Снежного вина» нами усматривается совпадение по всем пунктам.

2.4 Деятельность и судьба членов общества «Снежное вино»

Литературная деятельность общества достаточно разнообразна: участники общества писали стихотворения, читали друг перед другом доклады, которые существенно отличались от типичных докладов культурных объединений советского времени – члены общества предпочитали разговаривать о Ницше и нищезанстве, о любви, выпустили два номера альманаха «Снежное вино» и подготовили к выпуску третий. Кроме того, планировалось увеличение тиража издания. Также задумывались новые журналы – «Барабанщик» (Б. Брук, В. Левицкий), «Радуга жизни», «Наше Вам», в рамках которых затрагивались бы вопросы, отличавшиеся в определенных аспектах от художественной практики «Снежного вина». Воплотить идеи с новыми журналами члены общества не успели, остановившись на фазе подбора материалов.

В первых двух выпусках альманаха «Снежное вино» молодые литераторы пробовали свои силы, постепенно превращаясь в тех, кем им было суждено стать. Членов общества отличал талант, их признавали подающими надежды молодыми поэтами. Например, произведения

Освальда Плебейского были оценены Л. К. Татьяничевой, признававшей его безусловную художественную одаренность. Московский критик С. Васильев отмечал большие возможности выхода на широкую поэтическую дорогу. Так авторитетные представители поэтической среды увидели в членах «Снежного вина» потенциал. Литературное общество «Снежное вино» обещало стать для его участников той школой, какой был когда-то «Арзамас» для своих членов.

Однако в 1946 году произошел арест членов литературного общества «Снежное вино». В соответствии с условиями культурно-исторической действительности того времени, участников общества обвинили в организации контрреволюционной и антисоветской деятельности и объявили «врагами народа». Распространение не согласованного с партийными органами издания, отличавшегося от общепринятой идеологии, повлекло за собой уголовное дело.

Тщательные допросы на стадии досудебного расследования указывали на отсутствие состава преступления: не было прямых улик в виде признаков подпольного общества или прямой антисоветской пропаганды в действиях членов литературного общества «Снежное вино». Но следователем материалы дела (в том числе допросов) были представлены таким образом, что к участникам общества была применена статья 58 УК РСФСР, устанавливавшая ответственность за контрреволюционную деятельность. По данным МВД СССР, по этой статье в период с 1921 по 1953 год осудили 3 777 380 человек, к высшей мере наказания приговорили 642 980 человек [56]. Данные сведения представляются нам убедительными признаками уголовного преследования со стороны государства в отношении лиц, никак не связанных с антигосударственной деятельностью, представлявшей угрозу для советского строя. Именно к ним мы относим «Снежное вино».

Тем не менее, члены общества в материалах дела были представлены как государственные преступники: участники общества якобы

преклонялись перед Троцким и фашистскими руководителями, желали прихода западных интервентов, убеждали в необходимости новой (антисоциалистической) революции и планировали подготовку восстания. Исходя из политики середины XX века и историко-культурных особенностей страны того периода, обвинение являлось тяжелым. Однако его очевидная абсурдность в представленном случае не помешала вынести членам «Снежного вина» приговор на разные сроки наказания от 3 до 10 лет лишения свободы с последующим лишением гражданских прав. С текстами приговоров из материалов уголовного дела можно ознакомиться в **Приложении 3.**

Обвиненные по статье поэты отправились в лагеря. Литература второй половины XX века (представленная лицами А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова) достаточно убедительно рисует картину бесчеловечности ГУЛАГа: это место преследовало одну цель – уничтожать неугодных, подавлять любое сопротивление в зародыше. Человеческое начало сводилось к уровню физиологии, и даже в этом случае выживание становилось едва возможным.

В. И. Левицкий свидетельствует, что большую часть связанных со «Снежным вином» людей «из обычных исправительных лагерей направили в каторжный, истребительный, как его называл Солженицын, Степной лагерь, Степлаг, где мы были обречены на постепенную мучительную смерть, и физическую, и моральную» [75, С. 349-350]. Тот факт, что измученные войной, а после брошенные в лагерные застенки люди сумели сохранить не только жизнь, но и разум, способность к литературному труду, свидетельствует о неиссякаемой силе духа и стойкости. Члены «Снежного вина» на личном опыте познали цену свободомыслия и свободы. После возвращения из ГУЛАГа литературную деятельность продолжили вести О. Плебейский, В. Левицкий и Б. Брук. Именно они оставили заметный след в истории художественной действительности.

Бывший президент «Снежного вина» Освальд Плебейский стал

членом Союза писателей СССР. Он написал и выпустил несколько сборников. Книга стихов «Стальной календарь» вышла в 1959 году. За ней последовали в 1961 году «Рождение солнца», «Полдень над плёсами» в 1964. Через два года выходит сборник «Откликной гребень», ещё через три – «Посолонь». В 1975 году Плебейский выпускает книгу «Равноденствие», за ней с пятилетним перерывом следует сборник «Алые створы». Освальд Плебейский издает книгу «Стихотворения» в 1994 году, «Избранное» в 1996. Его стихотворения выходили на страницах журналов «Волга», «Нива», «Отчий край».

Не менее известным поэтом, прозаиком, автором и составителем нескольких десятков книг стал Владимир Левицкий. Его произведения выходили в журналах «Москва», «Наш современник», «Нева», «Звезда», «Огонек», «Крокодил». Произведения Левицкого читатель мог встретить в газетах «Литературная газета», «Труд» и иных. Левицким выпущены сборники «Джезказганская тетрадь...», «Люди, звери и вещи...». Кроме поэтической деятельности Владимир Левицкий также проявил себя на преподавательском поприще: он вел уроки литературы в школе и техникуме.

Еще один талантливый человек, косвенно связанный со «Снежным вином» и пострадавший от этого, Борис Брук после возвращения занимался преподавательской деятельностью. Он является автором двух рассказов («Условный рефлекс» и «Сережа с Первого Загородного»), воспоминаний «В черном безмолвии». Его стихи публиковались в челябинских газетах «Вечерний Челябинск», «Милосердие и здоровье», «Молодой учитель», сборнике «Челябинск неизвестный». Незадолго до смерти вышел сборник стихов «Муза в ГУЛАГе», посвященный жене поэта – Людмиле Ивановне Брук. Именно его статья в газете «Уральская новь» в 1992 году познакомила не знавший о «Снежном вине» Челябинск с этим обществом.

Из лагерей вернулись не все члены «Снежного вина». Но вернувшиеся Борис Брук, Владимир Левицкий и Освальд Плебейский сохранили свою

дружбу на всю жизнь, сохранили своё «я», продолжившее выражать себя в литературном творчестве.

2.5 Упоминания в СМИ, публикации о «Снежном вине»

С момента ареста членов общества «Снежное вино» до 1992 года челябинцы оставались в неведении относительно существовавшего когда-то поэтического объединения на базе местного педагогического института.

История знакомства местных жителей со «Снежным вином» началась с момента публикации статьи Бориса Брука в газете «Уральская новь» [11].

Самым крупным на данный момент источником информации о литературном обществе стала книга В. А. Черноземцева «Горький вкус снежного вина» [75], вышедшая в Челябинске в 2002 году с подзаголовком «Трагедия в стихах, воспоминаниях и документах». Автор провел колоссальную работу, по результатам которой смог составить цельный пласт истории из уцелевших мемуаров, стихотворений, фотографий, материалов уголовного дела. Тираж выпущенной книги был не особенно большим и довольно быстро разошелся по библиотекам области. К сожалению, саму книгу в настоящее время невозможно купить в интернете.

Книги В. Черноземцева нет в продаже ни на одном книжном сайте, как в электронной версии, так и в бумажной. В библиотеках города книга также представлена весьма малым количеством экземпляров, что в некоторой степени объясняет сравнительно невысокую осведомленность массового читателя в вопросе истории и особенностей литературного общества земляков-челябинцев.

Однако факт недоступности книги в некоторой мере нивелируется наличием на сайтах челябинских библиотек кратких публикаций о «Снежном вине».

Например, статья Э. Б. Дружининой под названием «Снежное вино», тайное литературное общество студентов Челябинского педагогического института», опубликованная на портале «Литературная карта Челябинской

области», кратко описывает историю объединения со ссылкой на книгу В. А. Черноземцева [25].

На сайте Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина в разделе «УРАЛИКА: Литературный календарь Урала ~ 25 января» присутствует небольшая выдержка из публикации Дружининой, знакомящая читателей с обществом «Снежное вино» [26].

28 апреля 2014 года на сайте «Новая Самара» появилась публикация, посвящённая О. Плебейскому и косвенно «Снежному вину». Её автор Иван Васильцов утверждает, что Плебейского можно с уверенностью отнести к талантливым поэтам, писавшим о войне и в некоторой степени убитым после её окончания: здесь имеется в виду лагерный период жизни участников «Снежного вина» [16].

Людмила Бабиньян на сайте «Челябоведение» (от 26.01.2015) пишет о поэтическом четверге, прошедшем 22 января 2015 года в библиотеке №1, где произошло знакомство читателей с поэзией участников «Снежного вина» (О. Плебейского, Г. Лыткина, Б. Брука, В. Левицкого, Б. Михайлова) [4].

Четвертый выпуск газеты «Аргументы и Факты – Челябинск» от 27 января 2016 года содержит статью Ирины Панковой («В Челябинске в конце 1940-х был подпольный политический кружок») о подпольных молодежных организациях, существовавших на территории страны в 40-е годы. Данная статья включает комментарий Евгения Жорова, декана исторического факультета ЧГПУ (ныне ЮУрГГПУ), касающийся литературного общества «Снежное вино» [57].

Сайт Проза.ру содержит эссе Евгения Трубникова «Освальд Плебейский : Житие Поэта» , написанное в 2016 году . Оно посвящено творчеству первого и единственного президента «Снежного вина». Через два года после написания эссе Е. Трубниковым в качестве составителя было выпущено двухтомное собрание стихотворений Освальда Плебейского [71].

В сообществе «Чайный клуб» в социальной сети ВКонтакте 29 апреля

2019 года опубликована статья «Горький вкус Снежного вина». Ее автор Yaroslav (@eerie616) знакомит читателей с обществом «Снежное вино». Именно он впервые указывает на недоступность книги В. А. Черноземцева для широкой аудитории [81].

Газета «Милосердие и здоровье» в выпуске № 11 (ноябрь 2019 г.) приводит статью Ирины Бываловой «Ты хорошо держался» о Борисе Бруке, который был одним из осужденных по делу «Снежного вина». И. Бывалова также пишет и о самом литературном обществе, уделяя особое внимание книге В. А. Черноземцева [12].

Так публикации о «Снежном вине» в газетно-журнальной журналистике снимают завесу неизвестности с литературного общества и приобщают жителей города Челябинска и Челябинской области к истории и культуре родной области. Особенно важным нам кажется использование в ознакомлении населения с обществом «Снежное вино» Сети Интернет путем помещения небольших по объему статей в социальные сети, где их может увидеть гораздо большее число читателей.

Выводы по второй главе

Общество «Снежное вино» уникально прежде всего тем, что оно являлось нетипичным для своего времени, своеобразным продолжателем традиций студенческих литературно-философских объединений.

В непростое время, характеризовавшееся усилением цензуры в борьбе за «чистоту литературы и искусства», группа студентов, несогласных с окружающей действительностью, создала новое литературное общество, противопоставившее символистскую эстетику своего творчества официальной литературе того времени.

Уровень организации сигнализирует о четком понимании создателями «Снежного вина» того, чем они хотели заниматься и какой именно видели свою литературную деятельность.

Многие организационные моменты (например, правила приема новых

членов, характер отношений участников) роднят «Снежное вино» с «Арзамасом» в тяге к свободе самовыражения. Эта связь поддерживается в том числе и наличием псевдонимов у членов общества.

Литературным обществом «Снежное вино» были созданы два выпуска одноименного альманаха. Альманах не соответствовал идеологической направленности партии, не был согласован с партийными органами, в нем отсутствовала коммунистическая идейность. «Снежное вино» придерживалось иных воззрений: ему была близка лирика, романтизм, чувствовалось влияние поэтов Серебряного века. В своем желании привнести «живую жизнь» в стены института с помощью творчества, свободных дискуссий и некоторого свободомыслия члены общества пошли против государственной идеологической политики.

Долгое время литературное общество «Снежное вино» оставалось неизвестным для читателей Челябинска. Только с 1992 года начинается постепенное знакомство с историей «Снежного вина».

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ АЛЬМАНАХА «СНЕЖНОЕ ВИНО»

3.1 Символика названия

Известно, что члены общества «Снежное вино» не принимали ни эстетику социалистического реализма, ни окружающую действительность, бывшую довольно мрачной. Их, стесненных «рамками сухой действительности», манил «необозримый океан новизны и свободы». Подобная склонность к чему-то романтическому, смутно-туманному нашла отклик в поэзии Серебряного века и выразилась в художественной практике группы в виде целого ряда отсылок. Учитывая использование высказываний К. Бальмонта в предварительной статье первого машинописного издания группы, содержащей программную установку на творческую деятельность общества, представляется вероятным обращение к символистскому направлению в художественной области и в иных аспектах.

Особенно значимой единицей, которая вполне могла содержать символическую смысловую нагрузку, на наш взгляд, является собственно название общества. Рассмотрим его подробнее.

Смысл названия альманаха «Снежное вино», на наш взгляд, восходит к одноименному стихотворению А. Блока из сборника «Снежная маска», вышедшему в 1907 году. Сам сборник состоит из двух циклов – «Снега» и «Маски». Стихотворение «Снежное вино» в некотором смысле представляется «титულным»: оно открывает первую часть сборника.

Очевидно, такое название выбрано челябинским объединением неслучайно. Обратимся к стихотворению А. Блока в попытке трактовать смысл названия общества. В стихотворении «Снежное вино» Блок пишет: *«...Ты поселила в сердце страх / Своей улыбкою невинной / В тяжелошмейных волосах»*[9, с. 183]. Чувствуется обман, некоторая угроза, замаскированная благородными намерениями. Эпитет «тяжелозмейные волосы» намекает на скользкость и коварство. Настроение этих строк перекликается с эпохой 40-х годов XX века, с давящей тяжестью

послевоенного времени, ужесточением контроля и борьбой с инакомыслием. Читаем далее: *«Я опрокинут в темных струях / И вновь вдыхаю, не любя, / Забытый сон о поцелуях, / О снежных вьюгах вокруг тебя»*[9, с. 183]. Строки проникнуты ощущением холода, которое заключается в отсутствии душевности и теплоты, что тоже характерно для послевоенного периода. Ощущение «опрокинутости» в трактовке ситуации послевоенного периода имеет особый смысл. Мотив воспоминания забытого сквозит в строках, входя в контрастные отношения с существующей действительностью, которая не располагает к «любобным отношениям» в литературе: нет возможности свободного эксперимента, господствует госзаказ и строгая цензура. *«И как, глядясь в живые струи, / Не увидеть себя в венце? / Твои не вспомнить поцелуи / На запрокинутом лице?»* [9, с. 183] Мы словно бросаем взгляд в прошлое, отмеченное жизнью и свободой творчества. Венец – символ избранничества. Вероятна трактовка «Снежного вина» в роли избранных для возвращения литературной жизни в её естественное русло хотя бы на уровне собственного города.

Следует помнить, что вино всегда находится в какой-либо ёмкости. Здесь включается образ чаши. Чаша – один из архетипичных символов человечества, связанный с символом венца (венка), символизирует духовное прозрение и знание, бессмертие. Исходя из древнегреческой мифологии, чаша Диониса характеризовалась единством противоположностей – жизни и смерти, радости и страдания. Вино в чаше бога Диониса являлось источником священного безумия во время празднества – вакханалии. В христианской религии чаша несла значение причастия – перехода хлеба и вина в тело и кровь Христовы.

Таким образом, мы понимаем, что уже само название символично.

Выбор названия стал символом направленности творчества молодых литераторов, в котором отразилось отрицание бездуховности и прагматизма официальной эстетики и тяга к прекрасному, полузабытому поэтическому наследию прошлого.

На символистскую нагрузку выбранного названия указывает также герб общества: «хрустальная рюмка, увенчанная шапкой льда в венке из золотых дубовых листьев» (Приложение 2). Снова рюмка (чаша) как символ причастия к бессмертному знанию, но уже хрустальная: от греческого «кристалл», в переводе означает «лед», является символом интеллекта и духа, добродетели. Хрусталь также мог восприниматься как единство противоположного – существующего и несуществующего. Древние лекари полагали, что хрусталь очищает воду, а в Тибете лечили раны с помощью падавших на них сквозь хрустальные шарики солнечных лучей. Венок из золотых дубовых листьев символизирует избранную роль поэта, основанную на силе и достоинстве нравственных и творческих устремлений, рыцарстве, следовании заветам золотого века в литературе. Дуб также издавна считался центром Вселенной, связывавшим живых с умершими предками. Шапку льда (или снега), венчающую рюмку, можно трактовать как символ холода, отчужденности, охлаждения чувств. На архетипическом уровне снег ассоциируется со смертью. Вино в названии общества использовано как символ свободы мысли и свободы волеизъявления, романтики.

В соответствии с нашей теорией, «снежновиновцы» видели себя преемниками поэтов прошлого, избранниками, несущими в настоящее живое чувство. Неслучайно вино – символ свободомыслия и романтических настроений – находится в хрустальной рюмке: на наш взгляд, этот факт символизирует очищенную, ясную и свободную мысль. Обратим внимание на то, что рюмка вместе с находящимся в ней вином укрыта шапкой снега, словно саваном. Функция шапки льда (снега) здесь связана с мотивом забвения. Мы можем провести параллель с историко-литературной ситуацией 40-х годов XX века – окутанное холодным забвением творческое свободное волеизъявление прошлого.

Собственно, уже сам выбор названия литературного общества и альманаха акцентирует внимание на символистской окраске творчества

группы молодых поэтов. Выбор символизма в качестве метода литературного творчества в 40-е годы XX века автоматически противопоставлял литературное объединение основному признанному методу социалистического реализма, что в то время расценивалось как угроза существующему строю и неподчинение официальной идеологии.

3.2 Определение типа издания

Отличительной чертой челябинского литературного общества «Снежное вино» стало издание с тем же названием.

Сами члены общества позиционировали свое издание как журнал, это можно видеть собственно на титульном листе (**Приложение 2**). Однако в некоторых документах (например, в документе «О фактах антисоветской деятельности среди молодежи высших и средних учебных заведений города Челябинска», созданном по материалам управления МГБ по Челябинской области) фигурирует слово «альманах» [56]. В современных публикациях о «Снежном вине» (см. пункт 2.5) также нет однозначности в определении типа издания, чаще всего его определяют как альманах, встречаются также определения «сборник» и реже «журнал». Этот факт нуждается в некотором пояснении.

Альманах как тип издания является уникальным явлением, находящимся на грани литературы и журналистики. Данное издание имеет календарные истоки. С течением времени альманах постепенно трансформировался, вобрав в свою контрастную структуру последовательно чередующиеся стихотворные и прозаические произведения. Однако календарное начало альманаха все же осталось, оно нашло свое проявление в неоднородном («календарном», сменяющемся) составе участников. Эта особенность оказывала значительное влияние на развитие данного типа изданий, так как позволяла читателю познакомиться с широким кругом как уже известных, так и начинающих писателей и поэтов. Постоянная сменяемость авторов способствовала более

масштабному охвату печати различных произведений, внося некоторое разнообразие в литературный быт. Этот фактор позволил альманаху как типу издания завоевать своё место на лестнице печатной литературной продукции. Произведения в альманахе объединены по определенному признаку, жанровому, тематическому и другому. Отличительной чертой альманаха является сравнительно редкий выход номеров. Кроме того, альманах может быть и непериодическим изданием, «разовым».

Журнал, напротив, представляет собой периодическое издание. Он представляет собой издание, содержащее публикации произведений художественной литературы. Этот тип издания может носить характер общелитературный или являться представителем какого-либо конкретного литературного направления.

Подобное стирание границ между терминами «альманах» и «журнал» отмечали критики в 20-е годы XX века. Например, Ю. Н. Тынянов пишет в рецензии на один из альманахов тех лет: «Сейчас «журнал», «альманах», «сборник» — все равно; они различны только по направлениям и по ценам. (И по материалу)» [14]. Начинает появляться некий усредненный вид изданий, который сохранил признаки альманаха в области содержания, но утратил его специфическое оформление и периодичность.

Следовательно, учитывая исчезновение какого-либо противопоставления терминов «альманах – журнал», можно считать верным любой из них в отношении определения типа издания «Снежное вино».

Тот факт, что типология издания «Снежное вино» не имеет определенности, мы связываем с утратой четкой специфики и последующей невозможностью разграничения. Мы склонны видеть в «Снежном вине» черты альманаха на основании ориентированности общества на традиции прошлого. Среди основных свойств издания литературного альманаха выделим характерные для «Снежного вина»: – близкие дружеские связи членов общества, – неоднородность состава, – наличие псевдонимов, –

особый подход к оформлению (изящность), – создание специфической эстетической действительности.

В. Э. Вацуро в работе «"Северные цветы". История альманаха Дельвига-Пушкина» демонстрирует путь от решения группы единомышленников участвовать в создании альманаха до процесса отбора текстов и места альманаха в литературном процессе 1820-х годов: «Альманашу нужен был узкий дружеский кружок, уже переставший быть салоном и еще не ставший редакцией» [18]. Это определение соответствует особенностям «Снежного вина».

Кроме того, в обществе «Снежное вино» мы также усматриваем черты альманаха, которые отметил А. И. Рейтблат в статье «Литературный альманах 1820-1830-х гг. как социокультурная форма» [65]: создание альманаха группой близких, хорошо знакомых друг с другом людей; публикация материалов писателей в виде дружеской услуги, оказанной редакции (случай Бориса Брука); относительная малочисленность читательской аудитории (студенческая среда института).

Особо отмечая тот факт, что сами члены «Снежного вина» определяли тип собственного машинописного издания как журнал, мы всё же не видим существенных противоречий в идентификации издания в качестве альманаха: причины подобной двойственности подхода в определении типа издания изложены нами ранее.

3.3 Анализ структуры, содержания и оформления альманаха

Известно, что изучение любого издания должно быть контекстуальным. Эту позицию поддерживает исследователь русской журналистики и литературы В. Б. Смирнов: «Контекстуальность изучения литературно-художественного, литературно-критического или публицистического текста – это принципиальная черта литературоведческого подхода к журналистике. Журнальный контекст, в котором появляется литературное произведение, предельно заостряет

внутриконтекстные связи, заставляя «служить» произведение целям издания, актуализуя зачастую такие идейно-художественные аспекты произведения, которые вне журнального контекста, в отдельном издании могут пройти незамеченными» [70].

Таким образом, анализ альманаха «Снежное вино» мы станем проводить в соответствии с вышеуказанным принципом.

Как уже было сказано ранее, «снежновиновцы» успели выпустить два машинописных номера своего альманаха и готовили к выпуску третий. Рассмотрим первый номер альманаха литературного общества «Снежное вино».

Альманах был набран на печатной машинке и красочно оформлен рисунками Я. Малахова, который по совместительству являлся главным редактором. Вторым редактором значился Освальд Плебейский. Текст набирала машинистка Т. Большакова, не входившая в литературное общество. За переплет издания отвечал Лавров (**Приложение 4**).

На титульном листе (**Приложение 2**) в обрамлении роз расположена крупная надпись «Снежное вино», слева к букве «С» приникла хрустальная рюмка с заледеневшей снежной шапкой. Под названием альманаха надпись – «Литературно-художественный журнал». Внизу страницы – «май 1945», чуть ниже «Издание студенческого общ «Снежное вино». Центральная часть страницы отведена для рисунка: хрустальная рюмка на тонкой ножке увенчана шапкой льда, она словно висит в воздухе, не касаясь венка из золотых дубовых листьев, расположенного под рюмкой. Венок перевит розовой лентой, в его центре указан номер издания (№1).

Альманах включает в себя как прозаические, так и стихотворные произведения разных авторов. Помимо художественной литературы, структурным компонентом издания также являются статьи, переводные труды.

Крупные тексты начинаются с отдельной страницы. Авторство прозаических произведений указывается непосредственно перед

произведением. Однако два стихотворения могут располагаться на одной странице, если позволяет их объем (**Приложение 5**).

Первый номер встречал читателя программной статьей редактора Я. А. Малахова, в которой содержалась основная причина создания альманаха: ««Стремление к чему-то далекому, смутным блеском сияющему в туманной дали искусства, стремление выйти из рамок сухой действительности в необозримый океан новизны и свободы натолкнуло нас на мысль создать "Снежное вино"» [79] (**Приложение 6**). Эта статья не только начинается альманах, но и формирует впечатление о присутствующих далее текстах. Эпиграфом к статье стали слова К. Бальмонта: «Красота поэзии кроется в жажде красоты, более безумной, чем нам может дать земля» [75, С. 5] (**Приложение 6**). Уже сам эпиграф несёт информацию о творческой программе общества. Делая отсылку к Бальмонту, признанному мастеру музыкального стихотворения, члены общества «Снежное вино» заявляют: красота поэзии достигается за счет мечтаний, а не наблюдений за окружающим миром, действительность не способна выявить сущность поэзии, которая, как известно, заключается в способности проявлять скрытую красоту и музыку мира. Отсюда следует, что «снежновиновцы» были склонны считать истинной поэзией ту, где наблюдается мечта, туманный символичный мир.

Привлекает внимание самая крупная публикация альманаха – рассказ Я. Малахова «Две существенные ошибки», написанный в духе романтики и приключений, свойственных Дж. Лондону (**Приложение 7**).

Альманах включал в себя также переводы В. И. Левицкого из Г. Гейне и Ш. Бодлера. Стихотворения О. Плебейского из цикла «Осень» вынесены в отдельную подборку с заглавием (**Приложение 8**).

Завершала номер статья Г. А. Сорокина, в которой автор отрицает действительность, заявляя, что настоящая жизнь наполнена лишь ужасами и страданиями. Позднее, в ходе расследования дела «Снежного вина», именно эта статья привлекла пристальное внимание следователей: членов

общества осудили за враждебные официальной эстетике идеи пессимизма и «чистого искусства».

Последние страницы альманаха содержат отзывы современников **(Приложение 9)**.

Две статьи, предисловие и послесловие, образуют собой некое композиционное кольцо, в которое оказывается заключено содержимое альманаха.

Если обратиться непосредственно к текстам, расположенным в альманахе, можно понять, что альманах представляет собой нетипичное для своего времени издание: очевидно невыполнение принципа советской литературы – острой реакции на действительность, отражение в литературе современных событий в духе литературного метода соцреализма. Реальность представлена в произведениях членов «Снежного вина», но она преломляется под определённым углом, в результате чего отражение действительности здесь существенно отличается от типично советской литературы.

Мы считаем, что основную идею альманаха можно определить как отрицание членами литературного общества официального художественного метода, что нашло отражение в творчестве. Базовой основополагающей идеей, нашедшей выражение в альманахе, на наш взгляд, стало положение из программной статьи, гласящее о «стремлении выйти из рамок сухой действительности в океан новизны и свободы» [75, С. 5].

Поэтика произведений, выдержанная в романтически-символистских тонах, объединяет издание в единое художественное пространство. На наш взгляд, произведения, вошедшие в альманах, объединены темой отрыва от реальности, обращения к прошлому, где остались истинные идеалы, отказа от уродливой действительности. Взгляд на современность в то же время достаточно реалистичный, однако реализм этот своеобразен: здесь полностью отсутствуют черты социалистического реализма; видя

отрицательные стороны действительности, авторы отражают это в своих произведениях с помощью метафор и интертекстуальных связей. Отчётливо прослеживается диалогизированность литературных опытов «Снежного вина» с произведениями прошлых эпох.

В стихотворении «Тэтэ» (**Приложение 5**) утверждается неидеальность настоящего, облечённая в образ женщины: «...*Лишь издали красиво платье, / А ближе подойдешь – клозет, / Где ни ума, ни сердца нет*» [75]. Мы видим разрушение идеалистических представлений лирического героя. Реалистичность описания несоответствия внешнего и внутреннего содержания достигается с помощью использования метонимии. Реалистическое описание образа основано на тесной взаимосвязи предмета гардероба и представительницы женского пола.

С горьким упреком в адрес безжалостной современности откликается стихотворение Германа Гренадина:

*«Укор тебе, железный век,
С неумолимостью жестокой!
Взгляни, как смотрит человек,
Глазами горечи стоокой.
Старик, старик, старик седой!
Я твой бы образ в бронзу вплавил,
Тебя б с протянутой рукой,
Как память веку бы поставил!»*[56]

Наряду с горечью и обвинениями, обращенными в адрес несправедливой и жестокой действительности (лирический герой вменяет времени в вину плачевное состояние общества), мы видим надежду на светлое будущее, которая встречается среди фронтовых стихотворений (**Приложение 10**):

«Сквозь пляску смерти, жуть и холод

*Лишь луч надежды мне светил,
Превозмогая боль и холод,
Я выстоял и победил.*

...

*О друг! Пусть сонмом реют беды,
Пусть закрывают небосклон.
Придет желанный час победы,
Все счастье жизни мы возьмем». [75]*

Послевоенное время названо «пляска смерти» – это отсылка на аллегорический сюжет Средневековья. Лирическому герою силы даёт некий «луч надежды», с помощью которого становится возможна победа в трудном бою. Здесь с лёгкостью угадываются мотивы недавно закончившейся Великой Отечественной войны, трудно давшей измученной обескровленной стране, и образ луча в стихотворении воплощает надежду на скорую победу и веру в светлое будущее страны. Герой верит, что настанет конец войне, победа будет одержана, и тогда измученное общество получит законное право на жизненное счастье.

Фронтные мотивы как один из маркеров послевоенного времени видим также в стихотворении «Вечер» (**Приложение 5**):

*«Влекомые могучими аккордами,
Рубили пары воздух вкривь и вкось
С довольными сияющими мордами
Как издавна на свете повелось.
А мы в углу стояли позабытые,
Я и клюка – мой самый верный друг...» [75]*

Танец представлен как боевая схватка («рубили»), а лирический герой, как мы понимаем, искалечен во время военных действий («клюка – мой верный друг») и уже не может принимать непосредственное участие,

отныне его удел – наблюдать со стороны. Особенно значимым этот факт представляется в связи с тем, что Освальд Плебейский вернулся с войны хромым.

Одна из центральных идей стихотворения «Если короток миг» Германа Гренадина – призыв к выражению чувства, наслаждению им, ведь счастье – не постоянное состояние человека, а лишь короткий проблеск в долгой жизни (**Приложение 11**):

*«Как часто нам из длинных лет
Для счастья выпадет лишь миг.
Так пей же! Пей при встрече
Тот неиссякаемый родник». [75]*

Эта идея согласуется с программным положением общества: «...лучше вспыхнуть и умереть, чем жить тлея!» [75]. Многомерность и масштабность противопоставления разума и чувства достигается за счет отсылки к античности («Скажем Платону – прочь!») и мифологии («Скажем Эроту – к нам!») [75] Автор призывает «пить залпом» радость, предлагая: «...Пусть опьяняет нас / Жгучий огонь страстей!» [75] Вновь видим мотив опьянения, перекликающийся с программной установкой и непосредственно с названием общества.

Обращением к идеальному прошлому проникнута область чувств (**Приложение 12**):

*«Любовь, по твоему велению,
За самку, чуть сойдут снега,
Ломают вдребезги олени
Свои прекрасные рога.*

*За самку в каменной пещере,
Любовной яростью горя,*

*Друг другу разбивали череп
Два полузверя-дикаря.*

*И за прекрасную мадонну,
Бесстрашны в ярости, как львы,
Валились рыцари со звоном
В крови под крепостные рвы.*

*Но в наши дни любовь остыла,
Ее сменил сухой расчет,
И только изредка уныло
Она чуть вздрогнет и замрет». [75]*

В стихотворение вводится физиологический аспект («самка», мотив сражения как животных, так и «полузверей-дикарей» с подоплёкой последующего совокупления), который противопоставляется во второй части с возвышенным мотивом (образ мадонны). Чувство представлено градационной направленностью снизу вверх с последующим обрывом «*Но в наши дни любовь остыла...*» [75]. Хроника развития полноты и силы любовных чувств в стихотворении отражает изменение роли и восприятия искусства среди человечества.

Мы видим, что альманах создает хронотоп современного «железного века» с помощью сравнивающих обращений к древнему периоду, античности и средневековью.

Произведения альманаха объединены общей темой осознания неидеальности окружающего мира, кризиса существующей действительности. Общими для художественного поля альманаха становятся также мотивы индивидуализма, идеализации прошлого, области живого чувства.

Оформление журнала поддерживает общий дух издания.

Иллюстрации символичны, они дают представление о ценностях, сторонниками которых являлись члены «Снежного вина».

Стихотворные произведения перемежаются художественными работами, создающими романтическое настроение: тут и кинжал, обвитый лозой, который изображен на фоне раскрытой книги, и горящая на фоне луны свеча, и черноволосая головка молодой дамы, окружённая россыпью роз. На последнем изображении мы видим также бутылочку с ярко-красной жидкостью. Можно предположить, что это яд (**Приложение 5**). Романтические символы играют роль усилителя во время чтения, позволяя глубже проникнуть в авторский смысл сборника.

Античные мотивы в художественном оформлении альманаха присутствуют в образе крылатой богини победы Ники (**Приложение 13**), а также представлены одеждой девушки, выполненными в греческом стиле (**Приложение 14**). Явная устремленность к мотивам античной культуры, чье значение в мировой цивилизации огромно, указывает на особую эстетическую направленность программы литературного общества «Снежное вино»: очевидно признание и преклонение перед всеми сферами древнего мира (культурой, философией, искусством, устройством общественной жизни древних греков), а также предпочтение опыта и жизненного мироощущения античности всему современному.

В оформлении журнала встречаем лесной пейзаж (**Приложение 15**). Небольшую полянку, укрытую снежным покровом, со всех сторон обступают вечнозеленые ели, которые своими стволами и ветками создают некое защитное кольцо для маленькой деревянной избушки. Неприметное серенькое строение кажется последним оплотом старорусской атмосферы тепла и уюта, для которого природа выступает защитником, кольцом окружая от враждебного мира.

Молодая девушка в платке (**Приложение 16**) открытым, ясным взглядом встречает читателя. Доброта, чистосердечие и безыскусственность – вот что олицетворяет девушка. Неслучайно на ее голове платок – символ

нравственности и следования традициям.

Альманах содержит немало других иллюстраций. Они представлены в **Приложении 17**.

Таким образом, внутреннее единство альманаха основывается на отношении участников к современной им действительности, согласованном с программой общества. Отражение современности происходило в контексте обращения в прошлое и последующего сравнения.

Художественные принципы, свойственные каждому участнику «Снежного вина» в отдельности, сложились в общий образ творчества литературного общества. Наложение наследия прошлых поколений писателей на описание примет настоящей эпохи отразило актуальность литературных опытов членов литературного общества.

3.4 Литературные реминисценции

Искусство в целом и литература в частности насыщены различными интертекстуальными связями, в том числе реминисценциями.

Термин «интертекст» был введён в использование сравнительно недавно – в 1967 году. Он предполагает «диалог» двух текстов, использованный с целью преломления смысловой составляющей текста в соответствии с авторским видением.

Реминисценцией называют один из художественных элементов интертекстуальной системы, заключающийся в наличии в художественном тексте «отсылки» к культурно-историческим фактам, авторам или названиям произведений. Эти явления могут включаться автором сознательно в качестве литературного приема или возникать непроизвольно. Воспроизведение «чужого продукта» может происходить на разных уровнях: метрическом, образном, сюжетном, цитатном и подобных. Особенно часто подобными явлениями становятся известные цитаты, названия знаковых произведений, имена ключевых для литературы персонажей, крупные события. Использование таких отсылок играет

важную роль в создании и прочтении художественного смысла.

Характерно использование реминисценций в творчестве символистов. Например, К. Д. Бальмонт известен приемом самоцитации – отсылками к собственному творчеству [23]. Учитывая символистскую направленность творчества членов литературного общества «Снежное вино», вполне вероятно использование реминисцентных приемов в их творчестве.

Самой явной, бросающейся в глаза реминисценцией на творчество А. Блока является собственно название литературного объединения и альманаха – имеется в виду стихотворение А. Блока, открывающее первый цикл сборника «Снежная маска». Оформление титульного листа машинописного издания также является отсылкой к стихотворению Блока «Снежное вино». Подобный прием позволил обыграть символику названия, завуалировав в нем программу общества.

Что касается внутреннего содержания альманаха, стихотворение «Вечер» («...С довольными сияющими мордами...») [75] содержит отсылку к поэме Блока «Двенадцать»: отчётливо видна переключка с ее музыкой уличных слов и выражений. Мы видим реалистичность описаний окружающего мира и лиц; с помощью сниженной лексики автор стремится не только передать нюансы норм действительности, но также использует блоковский приём – речь становится воплощением живого, насыщенного образа, который вполне можно встретить на улице.

К числу блоковских реминисценций относится также образ нищего старика в стихотворении Германа Гренадина: «Взгляни, как смотрит человек, / Глазами горечи стоокой. / *Старик, старик, старик седой!* / Я твой бы образ в бронзу вплавил, / Тебя б с *протянутой рукой*, / Как память веку бы поставил!» [75] Использование фигуры нищего старика как символа неблагополучного времени откликается на образ «*нищей России*» из стихотворения «Россия» А. Блока.

Отсылка к другому поэту-символисту, К. Бальмонту, содержится в эпиграфе статьи, открывающей альманах: «*Красота поэзии кроется в*

жажде красоты более безумной, чем нам может дать земля. [75, С. 5]
Цитата взята из эссе К. Бальмонта об Э. А. По, в которой Бальмонт пишет о новизне художественного метода По. Цитата в полной мере раскрывает одно из основных положений программы общества: утоление этой самой жажды путем обращения к символьному миру, полному внеземных образов.

Герман Гренадин использовал в стихотворении «Если краток миг» образ родника, встречающийся в стихотворении Бальмонта «Часы». Бальмонт делает *родник* образом звучания, ему этот образ помогает в создании многослойного мира, таинственной загадки: «Мой первый час – не первый крик, / А первый долгий миг молчанья, / Как будто слушал я *родник*, / Напев нездешнего звучанья...». [5, С. 408]. Для Гренадина эта метафора является выражением времени: «Как часто нам из длинных лет / Для счастья выпадет лишь миг. / Так пей же! Пей при встрече / Тот неиссякаемый *родник*» [75].

Стихотворение К. Бальмонта «Я люблю тебя...» пронизано безграничной любовью к женщине, и анафорическое начало двух пар строк в первой строфе подчеркивает этот факт: «*Я люблю тебя* больше, чем Море, и Небо, и Пение, / *Я люблю тебя* дольше, чем дней мне дано на земле. / Ты одна мне горишь, как звезда в тишине отдаления, / Ты корабль, что не тонет ни в снах, ни в волнах, ни во мгле» [6]. Автор показывает, что под влиянием истинного светлого чувства оттаивает душа. В сонете Левицкого отсылка к Бальмонту в виде анафоры «*мне нравится*» выполняет противоположную функцию – сердце словно сковывает льдом по мере прочтения строк, саркастически описывающих действительность:

Мне нравится медовый аромат
Гниющих трупов, падали и тела,
Мне нравится коварство и измена,
Мне нравится разнузданный разврат.
Мне нравится, когда безумный брат

Сестру к земле прижмет своим коленом,
Мне нравится, как хлещет кровь из вены,
На белизной сияющий халат». [56]

В стихотворении О. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917) образ меда олицетворяет сладость и веселье бытия:

«Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
- Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, - и через плечо поглядела.
Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, - идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса - не поймешь, не ответишь».[48, С. 73]

В сонете Левицкого «медовый аромат» несет совсем иную смысловую нагрузку, он помогает описать запахи разлагающихся трупов. Мы видим реминисценцию образа поэта-символиста, творчески переосмысленную до противоположного значения. Один образ-символ помогает описать две противоположных действительности – гармоничную и ужасающую.

Альманах «Снежное вино» содержит целый ряд реминисценций из лирики О. Мандельштама. В изображении граненой рюмки с шапкой (*горкой*) снега на титульном листе альманаха угадываются реминисценции из стихотворения «Венецийской жизни мрачной и бесплодной...»: «Воздух твой *граненый*. В спальне тают *горы / Голубого дряхлого стекла*» [48, С. 82]. Мотивы хрусталя («...хрусталь волны *упругий*...») в стихотворении «Феодосия» [48, С. 85] также находят свое отражение в образе хрустальной рюмки на обложке альманаха. «Кристаллическая» музыкальная нота из стихотворения «Silentium» воплотилась в кристаллических стенках

хрустальной рюмки «Снежного вина» и кристаллах снега. [48, С. 33]

Послевоенное время отражается в стихотворении фронтového направления (**Приложение 10**) как «пляска смерти» – отсылка на аллегорический сюжет Средневековья, выраженный в живописи и словесности. Этот образ персонифицированной Смерти, поводыря представителей всей сословий и классов к концу земного пути, является символом бренности человеческого бытия.

Как мы видим, произведения литературного общества «Снежное вино» насыщены реминисценциями из текстов поэтов-символистов: встречаются как прямые заимствования образов и мотивов, так и творчески переосмысленные детали. С помощью интертекстуальности поэты «Снежного вина» привлекают внимание к современному им состоянию мира и общества. Это тоже реализм, только не социалистический, одобренный государством, а более свободный и поэтический, насыщенный множеством творческих отсылок, помогающих глубже проникнуть в смысловое поле каждого конкретного стихотворения.

Традиции Серебряного века поэзии нашли отражение в межтекстовых связях произведений «Снежного вина» с представителями русского символизма – А. Блока, К. Бальмонта, О. Мандельштама.

3.5 Критические отзывы

Последние страницы альманаха «Снежное вино» авторы оставляли чистыми. Подразумевалось, что на них читатели оставят свои отзывы, впечатления и предложения, обращенные к членам общества (**Приложение 9**).

Если обратиться к отзывам современников «снежновинцев» касательно их деятельности, можно встретить диаметрально противоположные точки зрения. Например, некий В. Ч. 13 мая 1945 года пишет, что журнал представляет собой замечательное явление в плане совершенно нового посыла к молодёжи – фантастического предложения

понять жизнь в её страстной энергичности.

В противовес этому отзыву 14 ноября 1945 года некто Е. В. Ф. отмечает: подобное творчество – «вульгарщина» [75, С. 70] и глупость, которая не способна привести ни к чему дельному. Аргументирует читатель свою позицию тем, что сравнения «Снежного вина» с В. Маяковским совершенно необоснованны только потому, что стихотворения Маяковского насыщены идейностью и оценены «гениальным Лениным» [75, С. 70], а «снежовинцы» «просто своё настроение...личное» [75, С. 70] высказывают посредством поэзии. Особенное негодование читателя вызывает тот факт, что его современники, являясь людьми «советского общества» [75, С. 70], самостоятельно строящими свою жизнь, не желают заполнить эту жизнь «нужными, полезными делами» [75, С. 70].

На суде во время обвинительной речи прокурора звучали куда менее корректные слова: государственный обвинитель назвал членов общества бандой «мерзопакостных негодяев, которые на своих гнусных сборищах клеветали на наш социалистический строй» [75, С. 112]. Налицо действие пропаганды ценности дела, а не слова, а если уж слово использовать, то в целях агитации на труд ради благополучия советского светлого будущего.

Неоднозначность современников в отношении деятельности общества «Снежное вино» явно бросается в глаза. Здесь мы видим два противоположных взгляда: сторонники «легальной» литературы, полезной, идейной осудили «снежовиновцев» за нехарактерную для советской литературы направленность, однако были и те, кто все же поддержал членов общества в тяге к «живой жизни», фантастическому и необычному.

Подобные расхождения во мнениях касательно творческой деятельности «Снежного вина» вполне объяснимы. Стоит учесть тот факт, что требования советской критики послевоенного периода представляли собой декларативные призывы к интеллигенции с требованиями создавать идейные художественные произведения. Эта идеологическая работа послевоенных лет исходила от государственного аппарата,

пропагандировала исключительные успехи Советского Союза во всех сферах с целью создания образа процветающей под рукой вождя державы. Советское государство не могло иметь проблемы. Советский человек не имел права быть «неправильным». Здесь вполне уместно привести в пример случаи выселения на Соловки искалеченных на войне фронтовиков из эстетических побуждений: «неполноценные» люди должны находиться подальше от глаз общественности, нельзя, чтобы калеки портили одним своим видом праздничный облик Победы. С точки зрения государственного аппарата, безрукие и безногие обрубки были не теми героями, которых обязан воспевать социалистический реализм в литературных произведениях.

Обратимся к отзывам читателей-современников «Снежного вина» (фактический материал взят из документа «О фактах антисоветской деятельности среди молодежи высших и средних учебных заведений города Челябинска (По материалам управления МГБ по Челябинской области)» [56]. Так как эти отзывы были приобщены к материалам дела, все они резко отрицательные. Приведём основные триггеры, которые побуждали современников к осуждению литературной практики общества.

Одни видели только романтический ореол и совершенно не замечали реалистические образы и мотивы: «К черту вашу романтику»!...Вы думаете, что уйти от жизни в мечту очень смело. Это не смелость, а непонимание жизни» [56].

Другие считали, что «ультрапессимизм» членов общества берёт истоки в поспешности выводов: если личная жизнь неблагополучна, то не стоит обобщать всё общество в этом отношении. «Вы очень красиво пишете о мечте, и в то же время признаете, что это обман» [56], – пишет читатель и тут же сравнивает поэтов с прячущим голову от страха страусом. В упрёк ставится стремление к вечно красивым идеалам: «Где же они, Ваши идеалы? Зачем называть опьянение мечтой идеалом? Пейте уж лучше водку! Впрочем, это не так красиво и романтично, хотя суть одна» [56].

Ещё один современник утверждает, что творчество общества базируется на «саможалении» и самоутешении и приводит в пример горьковского Луку-утешителя. Он пишет, что уход от действительности, являющейся спутницей человеческой, ошибочен. Отдельно высказывается о президенте общества: «А Освальда Плебейского мне просто жаль. Вот именно Вы, дружок, своими стихами вызываете обидную жалость у читателей. Хочется поднять ваше настроение, но увы, пока невозможно» [56].

Одна читательница пронизательно отмечает отсутствие романтики в стихотворениях О. Плебейского, заявляя, что попытка устремления к романтике и символикe поэтами общества провалена: «...Нет, дорогие друзья, настоящее, действительное берет свое!»[56] Современница тонко улавливает талант Плебейского и советует ему «посерьезней заняться искусством и поменьше хныкать».[56] Заключает свой отзыв словами о том, что для президента общества ещё не всё потеряно: «Тебя еще нельзя назвать неудачником. Нет! Ты еще не инвалид, ибо таковым считается не физически больной человек, а тот, в котором нет благородства, нет красоты души» [56].

Следующий читатель остался недоволен вступительной и заключительной статьями альманаха, он считает, что они не идут на пользу сборнику ввиду циничности содержания. Стрелов указывается им как «лишняя личность в альманахе, которая пакостит ему». Такое утверждение сделано на основании высказывания автора статьи об окружающей советской действительности как о «навозной куче» и осуждении тех современников, которые принимают существующий уклад и остаются им удовлетворены. Автор отзыва задаётся вопросом: «Наш ли этот человек или нет?» [56].

А вот ещё один читатель, отметивший реалистичность поэзии О. Плебейского: «...Стихи Плебейского тем более хороши, что «снежного вина» там меньше всего, нет в них «романтики» [56]. Современник поэта замечает, что в стихотворениях Плебейского «есть все, что угодно, но

только не романтика» [56], даже грубые выражения, и при этом уровень пессимистичного настроения ниже, чем в предыдущих стихотворениях альманаха. Несколько парадоксально звучит следующее утверждение – автор отзыва жалеет, что всё-таки нет в стихотворениях Плебейского романтики, ведь «каждый советский поэт должен быть романтиком прогрессивным, а не реакционным, не пустопорожним» [56]. К последним читатель относит Гренадина, Малахова и Стрелова. По его мнению, истинный советский литературный деятель должен уметь мечтать, «ведь без мечты нельзя ничего построить, достигнуть» [56].

Читатели отрицают романтическую природу поэзии «Снежного вина», утверждая, что авторы альманаха «выступают не как романтики в полном смысле этого слова, а как индивидуалисты со своим черствым эгоизмом» [56]. Читатель возмущён позицией авторов альманаха, по его мнению, люди должны бороться за счастливую жизнь, ведь нет ничего готового, а поэты «думали, что мир уже приготовлен для них, остается только пожинать плоды и плевать в потолок, поживать на лаврах» [56]. Как пример активной борьбы читатель упоминает сокола Горького: тот был счастлив не потому, что мог летать, счастливым его делала борьба. Современник поэтов сетует: «А вы «грустите». Какого же черта этот Стрелов сравнивает себя, ужа, с соколом!» [56].

Как мы видим, отзывы о деятельности «Снежного вина» были разными, хотя отрицательные все же преобладали. Но какой бы ни была оценка альманаха и его содержания, творчество этого литературного общества никого не оставило безучастным.

В последние годы меняется тенденция в отношении читателя к творчеству «снежновинцев», все чаще встречаются положительные отзывы о стихотворениях, вошедших в альманах «Снежное вино». И хотя В. А. Черноземцев в своей книге отмечает «ученическую незрелость» [75, С. 15], свойственную произведениям первых двух сборников, стоит заметить: молодые литераторы обладали несомненным талантом, этот факт

признавала, к примеру, Л. К. Татьяничева. В пользу утверждения о большом поэтическом потенциале существует еще одно убедительное доказательство – это собственно литературная жизнь членов «Снежного вина» (Плебейского, Левицкого и Брука) после освобождения.

Выводы по третьей главе

Альманах «Снежное вино» как форма общественной репрезентации плодов творческой деятельности одноименного литературного объединения содержит в себе черты следования канонам символистской эстетики. Анализ издания показал многоплановость символистского наследия: символика названия, обилие литературных реминисценций на творчество Бальмонта, Мандельштама, Блока, специфическая поэтика, отражающая определенные художественные принципы объединения.

Выбором названия студенты подчеркнули символистскую направленность своей творческой деятельности. Подобные литературные опыты выходили за границы допустимых политикой партии: официальным литературным методом на тот момент являлся социалистический реализм. Со стороны участников общества «Снежное вино» выбор подобного названия и направления явился своеобразной формой культурного протеста против официальной эстетики социалистического реализма.

Проблема типологии объясняется постепенным перемешиванием характеристик различных литературных изданий. Выделение особых черт, свойственных данному обществу, позволяет заявить об альманашной природе машинописного издания.

Структура и содержание альманаха участвуют в построении особой художественной реальности, соответствующей эстетическим критериям символизма, и формируют творческую установку членов общества на понимание современной действительности во взаимосвязи с памятью прошлого.

Романтическая тематика поэзии тесно переплетается с

реалистическими мотивами, отражёнными в интертекстуальном поле.

Авторы «Снежного вина» проводили творческое осмысление наследия классической эпохи – обращались к истории древнего мира, древнегреческой истории и мифологии, следуя опыту символистов. Учитывая, что подобный опыт проводился в 40-е годы XX века во время существования идеологической направленности искусства, представляется довольно трудным поиск «своего» читателя в среде современников.

Критика современников подтверждает неоднозначность в отношении восприятия деятельности «Снежного вина» читательской средой 40-х годов XX века, преобладание отрицательных отзывов обусловлено идеологически.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа посвящена малоизученному и недостаточно известному даже на территории Челябинска и Челябинской области студенческому литературному обществу «Снежное вино». Одной из предпосылок исследования стало стремление изучить феномен литературного общества не с позиции апелляции к литературе «второго ряда», но с точки зрения интереса к литературному объединению, не получившему известности на территории области в связи с законами исторической эпохи. В сложившейся ситуации литературное общество оказалось забытым почти на полвека.

В истории отечественной литературы подобных объединений насчитывается немало. Все они ставили перед собой определенные цели, у каждого были свои задачи, ритуалы.

Литературные объединения оказывали значительное влияние на формирование молодых писателей, а через них меняли общество в целом. Изменения касались и социальной сферы жизни, и политической, и даже моральной. Изучение подобных объединений позволяет глубже понять движущие силы литературного процесса и эстетические взгляды времени.

Учитывая значимость данных объединений для настоящего и будущего, мы выяснили разницу между «литературным кружком», «литературным обществом», «литературным вечером», «литературным салоном», проследили деятельность и развитие подобного рода организаций, существовавших в нашей стране в период XIX-XX веков, проанализировали феномен литературного общества «Снежное вино».

Как мы выяснили, общество «Снежное вино» и его альманах, являясь первым начинанием «снежновинцев», представляло собой весьма незрелое творчество, однако члены общества, по замечаниям авторитетных критиков и писателей, имели большой потенциал, обещая «вырасти» в серьёзных, сильных литераторов.

Также нами было выявлено следующее: сам альманах «Снежное вино» – это не только сборник стихотворений начинающих писателей, но и характеристика каждого члена этого общества, так как журнал несёт на себе отпечаток личности своих создателей. Структура альманаха, его содержание и оформление преобразуют внутреннее наполнение в единый образно-смысловой сплав. Реалистические мотивы выражены в интертекстуальном воплощении.

Арест участников «Снежного вина» и последующее заключение способствовали забвению этой литературной организации на территории нашей области. Лишь в 1992 году в газете «Уральская новь» появилась публикация Б. Я. Брука, из которой многие челябинцы впервые подробно узнали о судьбах "снежновинцев".

В данной работе мы попытались реконструировать хронологию «Снежного вина» путем изучения доступных нам источников. Полученная информация помогает восстановить единое полотно деятельности общества, выявить закономерности влияния исторического аспекта на формирование эстетики членов объединения. На наш взгляд, соотнесение хроники объединения с жизненным и творческим путем его участников обещает быть плодотворным углублением анализа. С помощью этого возможным будет дать ответ на вопрос о мере влияния идей «Снежного вина» на последующее творчество входивших в общество писателей.

Мы предприняли попытку проанализировать феномен литературного общества с нескольких сторон: первую главу, изложенную в историко-литературном ключе, мы посвятили реконструкции истории литературных объединений России. Мы рассмотрели, как менялись особенности литературных образований с течением времени.

Вторая глава содержит анализ деятельности общества «Снежное вино» в историко-литературном контексте эпохи: здесь мы отметили влияние идеологии государственного аппарата на формирование идей «снежновинцев», рассмотрели причины создания объединения,

деятельность и судьбу участников. Полученные в результате анализа данные показали острое противопоставление творческой программы «Снежного вина» официальной эстетике и выявили общую ориентированность общества на традиции поэтов Серебряного века.

В третьей главе мы провели анализ альманаха «Снежное вино»: выделили объединяющие в цельное смысловое пространство альманаха общие образы и мотивы, которые наиболее полно отражали взгляды членов общества. Велико оказалось влияние символистской эстетики. Мы выяснили, что восприятие современности членами общества тесно связано с хронотопом альманаха.

Практическую значимость исследованной темы мы видим в возможности включения в школьный образовательный процесс: это утверждение подкреплено методической частью ВКР (**Приложение 18**). На наш взгляд, занятие по данной теме допустимо провести в рамках урока литературы или литературного краеведения в 11 классе после ознакомления учеников с литературным течением символизм и творчеством поэтов-символистов. Знакомство школьников со «Снежным вином» позволит усилить и углубить интерес к литературе и культуре родной области.

На наш взгляд, исследование литературного объединения не может быть сведено к анализу суммы написанных его членами текстов. Комплексный подход представляется наиболее продуктивным в качестве выявления феномена такого рода объединения. Нами было замечено, что в историко-литературном процессе существуют фазы, когда объединение литераторов в группы становится одной из самых действенных форм существования литературы. Также бывают периоды, когда подобные группы практически отсутствуют или не играют особой роли. Изучение функционального процесса каждого отдельно взятого литературного объединения дополняет сведения, содержащиеся в современном литературоведении. Важно изучение этих объединений не в качестве отдельных единиц, а как обобщенного явления, обладающего общими

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : У истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с. – ISBN 5-86793-533-7.
2. Арзамас и арзамасские протоколы: вводная статья, ред. протоколов и прим. М. С. Боровковой – Майковой, предисловие Д. Благого / под ред. А. Горелова. – Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – 305 с.
3. Аронсон М. И. Литературные кружки и салоны / М. И. Аронсон, С. А. Рейсер / ред. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. – Ленинград : изд-во «Прибой», 1929. – 312 с.
4. Бабиньян Л. Горький вкус Снежного вина / Л. Бабиньян // Челябинское краеведение : [сайт] – 2015. – URL: <http://kray.chelib.ru/index.php/news/262-gorkij-vkus-snezhnogo-vina> (дата обращения: 10.08.2020).
5. Бальмонт К. Д. Стихотворения / К. Д. Бальмонт. – Москва : Звонница-МГ. – 2019. – 480 с. : ил. – (Библиотека избранных стихотворений. XX век). – ISBN: 5-88093-240-5.
6. Бальмонт К. Д. Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение / К. Д. Бальмонт // Стихи о любви : [сайт]. – 2001. – URL: <https://www.stihi-rus.ru/1/Balmont/97.htm> (дата обращения: 7.12.2020).
7. Белинский В. Г. в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / под ред. В. Э. Вацура. – Москва : Художественная литература, 1977. – 752 с.
8. Беседа любителей российской словесности // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. III а (6) : Бергер – Бисы / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург : Семёновская Типолитография И. А. Ефрона, 1892. – 478 с. – С. 628–629.

9. Блок А. А. Стихотворения / А. А. Блок. – Москва : Эксмо, 2020. – 384 с. : ил. – (Собрание больших поэтов). – ISBN 978-5-04-109155-2.
10. Брук Б. В черном безмолвии : (из воспоминаний) / Б. Брук // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска ; [сост. и науч. ред. В. С. Боже]. – Челябинск : [б. и.], 1998. – Вып. 2. – 512 с. – С. 379–394.
11. Брук Б. Я. «Снежное вино» / Б. Я. Брук // Уральская новь (Челябинск). – 1992. – № 5. – С. 5–8.
12. Бывалова И. «Ты хорошо держался» / И. Бывалова // Милосердие и здоровье. – 2019. – № 11 (378). – С. 4 // Милосердие и здоровье : [сайт] – 2019. – URL: <http://www.miz-ural.ru/up/mizural64.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).
13. Бывалова И. : предисловие // Брук Б. Условный рефлекс / предисл. И. Бываловой // Урал : [сайт]. – 2015. – № 8. – URL: <http://uraljournal.ru/work-2015-8-1440> (дата обращения: 12.08.2020).
14. Ван-Везен Ю. Журнал, критик, читатель и писатель / Ю. Ван-Везен // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука. – 1977. – 576 с. – С. 147–149.
15. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2000. – 320 с. – ISBN 5-7525-1095-3.
16. Васильцов И. Дорога на Волгоград / И. Васильцов // Новая Самара : [сайт]. – 28.04.2014. – URL: <https://novayasamara.ru/people/2588> (дата обращения: 7.12.20).
17. Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры / В. Э. Вацуро. – Москва : Книга, 1989. – 418 с. – ISBN 5-212-00112-9.
18. Вацуро В. Э. Северные цветы : история альманаха Дельвига – Пушкина / В. Э. Вацуро. – Москва : Книга, 1978. – 288 с.

19. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / под редакцией А. Н. Яковлева; сост. : А. Н. Артизов, О. В. Наумов. – Москва : Международный фонд «Демократия», 2002. – 872 с. : ил. – (Россия XX век. Документы). – ISBN 5-85646-040-5.

20. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство / М. И. Гиллельсон. – Ленинград : Наука, 1974. – 229 с.

21. Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей / М. И. Гиллельсон. – Ленинград : Наука, 1977. – 202 с.

22. Грицай В. В. Кризисные проявления в культурной жизни советской молодежи в послевоенный период / В. В. Грицай // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 4 (26). – С. 24–28. – ISSN 2073-1078.

23. Гулидов А. Ю. Самоцитация как проявление интертекстуальности в лирике К. Бальмонта / А. Ю. Гулидов // Константин Бальмонт : сайт исследователей жизни и творчества : [сайт]. – 2010. – URL: <http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-4/chitaem-balmonta/175-aju-gulidov-samotsitatsija-kak-projavlenie-intertekstualnosti-v-lirike-k-balmonta.html> (дата обращения: 17.08.2020).

24. Друскин Я. С. Дневники / Составление, подготовка текста, примечания Л. С. Друскиной. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. – 606 с. – ISBN 5-7331-0149-0.

25. Дружинина Э. Б. «Снежное вино», тайное литературное общество студентов Челябинского педагогического института / Э. Б. Дружинина // Литературная карта Челябинской области : [сайт]. – 22.01.2015. – URL: <http://litkarta.chelreglib.ru/unions/snezhnoe-vino/> (дата обращения: 10.08.2020).

26. Дружинина Э. Б. УРАЛИКА: Литературный календарь Урала ~ 25 января / Э. Б. Дружинина // Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина : [сайт]. – URL:

http://cbs.kamensk.ru/?option=com_content&view=article&id=196:1-r&catid=54:-q-q&Itemid=92 (дата обращения: 10.08.2020).

27. Егоров Б. Ф. Русские кружки / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – Т. V (XIX век). – 848 с. : ил. – (Язык. Семиотика. Культура). – С. 504. – ISBN 5-7859-00004-1.

28. Жигулин А. В. Чёрные камни / А. В. Жигулин. – Москва : Книжная палата, 1989. – 240 с. – ISBN 5-7000-0160-8.

29. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 11. Проза 1810–1840-х годов / ред. А.С. Янушкевич. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2016. – 1048 с. – ISBN 978-5-9908826-5-2.

30. Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму / М. Заламбани // пер. с итальянского Н. В. Колесовой. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. – 224 с. : ил. – (Современная западная русистика). – ISBN 5-7331-0333-7.

31. Захаров А. Н. Есенин и имажинизм / А. Н. Захаров. Т. К. Савченко // Российский литературоведческий журнал. – 1997. – № 11. – С. 3–40. – ISSN 2073-5561.

32. Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния / Ю. В. Зобнин. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 436 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей). – ISBN 978-5-235-03072-5.

33. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953 / Е. Ю. Зубкова. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 229 с. – ISBN 5-8243-0069-0.

34. Имажинизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – Стб. 292–296. – 1596 с. – ISBN 5-93264-026-X.

35. История советской политической цензуры: Документы и комментарии / составитель Т. М. Горяева. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 672 с. – С. 201–202. – ISBN 5-86004-121-7.
36. Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века / А. А. Кобринский. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2013. – 364 с. – ISBN 978-5-4386-0106-7.
37. Крусанов А. В. Русский авангард, 1907-1932 : исторический обзор. В 3 т. Т. 2. Футуристическая революция, 1917-1921 : монография, кн. 1 / А. В. Крусанов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 807 с. – ISBN 5-86793-217-6.
38. Кудрявицкий А. И. Трубами слов не воспеты... / А. И. Кудрявицкий // Октябрь. – 1993. – № 9 – С. 15–20. – ISSN 0132-0637.
39. Лаппо-Данилевский К. Ю. Кружки, салоны... Как и что изучать? / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН : [сайт]. – 2008. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8339> (дата обращения: 11.08.2020).
40. Левицкий Владимир Исаакович // Энциклопедия Челябинской области : [сайт]. – URL: <http://chel-portal.ru/?site=encyclopedia&t=Levickiy&id=7055> (дата обращения: 11.08.2020).
41. Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа / отв. Н.Ф. Чужак. – Москва : Захаров, 2000. – 285 с. – ISBN 5-8159-0086-9.
42. Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 1 / отв. ред. В. М. Фриче. – Москва : Изд-во Ком. Акад., 1929. – 768 с.
43. Лотман Ю. М. Поэзия 1790-1810-х годов/ Ю. М. Лотман // Поэты 1790-1810-х годов / ред. В. М. Жирмунский [и др.]. – Ленинград : Советский писатель, 1971. – 921 с. – С. 5–67.

44. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. – 703 с. – ISBN 5-210-01488-6.
45. Майофис М. Воззвание к Европе : Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов / М. Майофис. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с. – ISBN 978-5-86793-609-9.
46. Макарова И. А. Поэтика и теория русского имажинизма / И. А. Макарова // Русская литература XX века : Школы. Направления. Методы творческой работы: учебник для студентов высших учебных заведений. – Санкт-Петербург, Москва : Logos, Высшая школа, 2002. – 590 с. – С. 111–152. – ISBN 5-06-004366-5.
47. Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века / С. К. Маковский. – Москва : XXI век – Согласие, 2000. – 560 с. – ISBN 5-293-00003-9.
48. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / О. Мандельштам. – Москва : Эксмо, 2017. – 640 с. : ил. – (100 главных книг). – ISBN: 978-5-699-87232-9.
49. Марков В. Ф. Гостиница для путешествующих в прекрасном / В. Ф. Марков // Очерк истории русского имажинизма / пер. с англ. С. А. Швабрина // Звезда. – 2005. – № 2. – С. 211–218.
50. Марков А. А. Жизнь моя, иль ты приснилась мне? (Есенин и его окружение) / А. А. Марков // Диалог. – 1995. – № 9. – С. 86–91.
51. Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928) : К истории «Зеленой лампы» / Б. Л. Модзалевский. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 1999. – 576 с. – ISBN 5-210-01504-1.
52. Мочульский К. В. Валерий Брюсов / К. В. Мочульский. – Москва : Берлин : Директ-Медиа. – 2019. – 128 с. – ISBN: 978-5-4475-9940-9.

53. Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» / В. С. Нечаева. – Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 490 с.
54. ОБЭРИУ // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – Стб. 683–684. – 1596 с. – ISBN 5-93264-026-X.
55. Овчинникова Л. П. Ответ Сталинграда / Л. П. Овчинникова // Столетие : [сайт]. – 2016. – URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/otvet_stalingrada_517.htm (дата обращения: 11.08.2020).
56. О фактах антисоветской деятельности среди молодежи высших и средних учебных заведений города Челябинска : архивный документ // Политическая культура России XX века : ридер к курсу «Политическая культура России XX века» / сост. доктор исторических наук И. Б. Орлов : [сайт]. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-166089.html?page=10> (дата обращения: 10.08.2020).
57. Панкова И. В Челябинске в конце 1940-х был подпольный политический кружок / И. В. Панкова // АиФ-Челябинск. – № 4 // АиФ-Челябинск : [сайт]. – 29.01.2016. – URL: https://chel.aif.ru/culture/byl_bunt_v_chelyabinske_v_konce_1940-h_byl_podpolnyu_politicheskiy_kruzhok (дата обращения: 10.08.2020).
58. «Перевал» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – Стб. 734–735. – 1596 с. – ISBN 5-93264-026-X.
59. Письмо Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, Министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова и Министра юстиции СССР К. П. Горшенина 1-му секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущёву о пересмотре дел на осуждённых за контрреволюционные преступления :

документ № 44 / ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918-1960. Карательная политика советского государства [Документы №№ 1-52] // Фонд Александра Н. Яковлева : [сайт]. – URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009140> (дата обращения: 11.08.2020).

60. Плебейский Освальд Лаврентьевич (1924-1997) // Могилы ушедших поэтов : [сайт]. – URL: <http://www.po.m-necropol.ru/plebeiskiy-osvald.html> (дата обращения: 11.08.2020).

61. Поляков М. Виссарион Белинский. Личность – идеи – эпоха / М. Поляков. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 599 с.

62. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики / М. Я. Поляков. – Москва : Советский писатель, 1986. – 479 с.

63. Поэты группы «ОБЭРИУ» / сост. М. Б. Мейлах. – Санкт-Петербург : Советский писатель, 1994. – 640 с. – ISBN 5-265-02520-0.

64. РАПП // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – Стб. 853–855. – 1596 с. – ISBN 5-93264-026-X.

65. Рейтблат А. И. Литературный альманах 1820-1830-х гг. как социокультурная форма / А. И. Рейтблат // Новые безделки: сборник к 60-летию В. Э. Вацура / ред. С. И. Панов. – Москва : Новое литературное обозрение, 1995. – 496 с. – С. 167–181. – ISSN 0869-6365.

66. Сборище друзей, оставленных судьбою : «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2 т. Т. 1. А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин. – М. : НИЦ «Ладомир», 2000. – 846 с. – ISBN 5-86218-268-3.

67. Сборище друзей, оставленных судьбою : «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2 т. Т. 2. Д. Хармс. Н. Олейников. – Москва : НИЦ «Ладомир», 2000. – 749 с. – ISBN 5-86218-277-2.

68. Серапионовы братья // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по

общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. – Стб. 964–965. – 1596 с. – ISBN 5-93264-026-X.

69. Сигов С. В. Истоки поэтики Обэриу / С. В. Сигов // Russian Literature. – Netherlands : Elsevier BV, 1986. – № 1. – С.87–95. – ISSN: 0304-3479.

70. Смирнов В. Б. Журналистика и литература : методологические и историко-литературные проблемы / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 357 с. – ISBN 5-98461-109-0.

71. Трубников Е. Освальд Плебейский : Житие Поэта / Е. Трубников // Проза.ру : [сайт]. – 2019. – URL: <https://proza.ru/2019/05/31/276> (дата обращения: 7.12.20).

72. Тургенев А. И. Речь о русской литературе / А. И. Тургенев // Литературная критика 1800-1820-х годов / сост. Л. Г. Фризман. – Москва : Художественная литература, 1980. – 343 с.

73. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1968. – 424 с.

74. Фрезинский Б. Судьбы Серапионов (Портреты и сюжеты) / Б. Фрезинский. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 590 с. – ISBN 5-7331-0168-7.

75. Черноземцев В. А. Горький вкус снежного вина : Трагедия в стихах, воспоминаниях и документах / В. А. Черноземцев. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 368 с. – ISBN 5-7688-0808-6.

76. Чудакова М. О. Страницы научной биографии Б. М. Эйхенбаума / М. О. Чудакова, Е. А. Годдес // Вопросы литературы. – 1987. – № 1. – С. 128–162.

77. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов. Словарь / М. Шруба – Москва : Новое литературное обозрение. – 2004. – 448 с. – ISBN 5-86793-293-1.

78. Щеголев П. Е. Пушкин (очерки) / П. Е. Щеголев. – СПб. : Шиповник, 1912. – 411 с. // Электронекрасовка : [сайт]. – URL: <http://electro.nekrasovka.ru/books/1253> (дата обращения: 11.08.20).

79. Эйхенбаум Б. М. Литературный быт / Б. М. Эйхенбаум // О литературе : Работы разных лет. – Москва : Советский писатель, 1987. – 540 с. – С. 428–436.

80. Эйхенбаум Б. М. : предисловие / Б. М. Эйхенбаум // Литературные кружки и салоны / М. И. Аронсон, С. А. Рейсер. – Ленинград : 1929. – 312 с. – С. 3–7.

81. Yaroslav (@eerie616) «Горький вкус Снежного вина» / Yaroslav // Чайный клуб : [сайт]. – 29.04.2019. – URL: <https://vk.com/@libteaclub-gorkii-vkus-snezhnogo-vina> (дата обращения: 12.08.20).